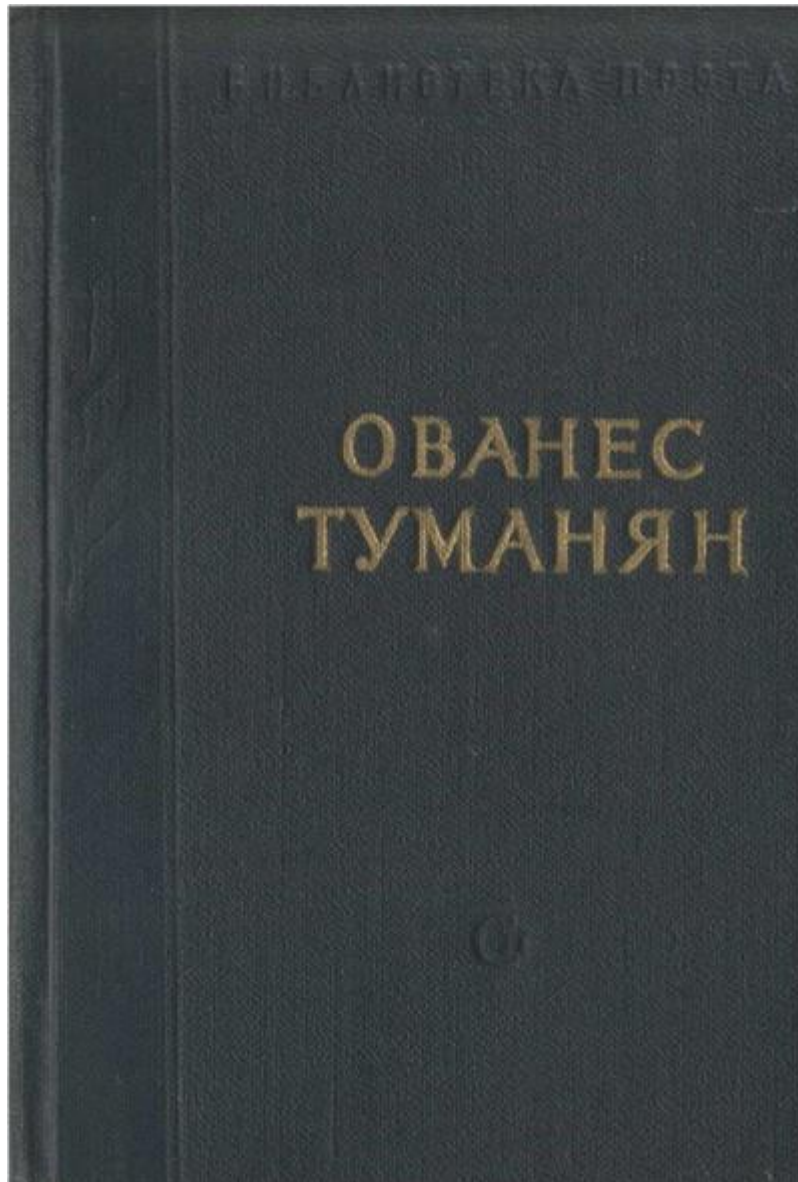

Ованес Туманян
Стихотворения и поэмы

Туманян Ованес
Стихотворения и поэмы

Ованес Туманян Вступительная статья

Туманян был и остается самым популярным, любимейшим писателем Армении. Он вошел в историю литературы как великий национальный поэт. Жизненная правда, естественность и искренность чувства, простота и ясность языка характеризуют народную музу Туманяна. Он умел из богатой сокровищницы народного творчества, выражаясь языком Белинского, «извлечь дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную, и в обоих случаях удивительно верную поэтической действительности».

Белинский сравнивал поэзию Пушкина с морем, которое приняло в себя многие малые и большие реки русской литературы «как свое законное достояние». Слова Белинского о Пушкине в известной степени применимы и к Туманяну, в поэзии которого слились воедино лучшие традиции армянской литературы.

В развитии поэтического мирозерцания Туманяна важную роль сыграла русская литература. Пушкин и Лермонтов освещали его творческий путь. Эстетические воззрения армянского поэта сложились под влиянием Белинского.

Любовь к отечеству и любовь к народу были нераздельны в общественном сознании Туманяна. Его поэмы, легенды, сказки, рассказы и стихотворения проникнуты идеями подлинного демократизма и гуманизма, искренним и горячим сочувствием к труженикам.

Ованес Туманян родился 19 февраля 1869 года в деревне Дсех (ныне Туманян)¹. Отец его был сельским священником.

Детство поэта прошло на родине. Яркие ощущения и впечатления ранних лет, вызванные к жизни природой горного края, оказали благотворное воздействие на воспитание и развитие поэтического чувства Туманяна. Его память навсегда сохранила картины дальних гор, покрытых голубым туманом, густых, непроходимых девственных лесов, которые «не слышали еще звука топора».

Может быть, ничто в такой степени не волновало будущего поэта, как грозный шум реки в глубоком ущелье. «Моим великим учителем был шум реки Дзэбет, – говорил потом поэт. – В ночной тиши я всегда прислушивался к ее голосу, то глухому и глубокому, то ясному и страшному. И, казалось, река говорила с моей душой...» Поздно вечером любил он лежать на краю ущелья и слушать в тиши глухой гул реки.

Начальное образование Туманян получил в деревенской школе. В 1879 году отец отвез десятилетнего мальчика в город Джалалоглы, который в те времена был административным центром Лори. Весной 1883 года Туманян, не окончив школу, покинул Джалалоглы и вернулся в родное село. В августе того же года отец привез Ованеса в Тифлис, где и прошла вся жизнь поэта. После успешной сдачи экзаменов Туманян поступил в нерсисянское духовное училище, откуда ушел через два года. В 1887 году из-за материальной необеспеченности Туманян вынужден был поступить писцом в тифлисскую духовную консисторию. В 1892 году он перешел на работу в издательское товарищество в качестве конторщика, но ненадолго. В том же году он ушел оттуда, – это была его вторая и последняя служба. Туманян отдался исключительно литературному труду и до конца своих дней оставался профессиональным писателем.

Первые литературные опыты Туманяна относятся к школьным годам. Он начал писать с десяти-одиннадцати лет.

К концу 1880-х годов он уже был автором многих произведений: легенд «Пес и кот», «Злосчастные купцы», «Солнце и луна», поэм «Маро», «Сако Лорийский», стихотворений «Пахарь», «Старинное благословение» и других. К 1890 году относится первоначальный вариант лирической поэмы «Ануш».

Однако все эти произведения существовали только в рукописи; знали о них лишь немногие почитатели таланта Туманяна. В начале 1889 года молодой поэт знакомится с известным писателем, педагогом и публицистом Газаросом Агаяном. Благодаря покровительству и хлопотам Агаяна в детском журнале «Агбюр» («Родник») была напечатана легенда Туманяна «Солнце и луна». С этого времени имя молодого поэта все чаще появляется на страницах армянской периодической печати.

С 1891 года Туманян стал печататься в издававшемся в Тифлисе журнале «Мурч» («Молот»). По своему прогрессивному направлению, богатству и разнообразию публикуемого материала этот журнал принадлежал к числу лучших армянских периодических изданий того времени.

Туманян явился достойным преемником демократических традиций прошлого, прежде всего Абовяна, с именем которого связана целая полоса развития армянской общественной мысли и освободительного движения, начальный этап становления новой армянской литературы. Эти традиции были продолжены затем Налбандяном, в прозе которого в конце 1850-х годов были заложены основы критического реализма. Налбандян первый из армянских писателей наметил и творческие принципы этого нового направления. В последующие десятилетия во главе прогрессивно-демократического лагеря в армянской литературе стали Прошян, Агаян, Сундукян. Появились произведения, в которых затрагивались острые проблемы, правдиво изображалась жизнь армянской деревни и городской бедноты,

¹ В горной местности Лори (ныне Алавердский район Армянской ССР).

обнажались основные социальные противоречия. В романах Прошяна, в стихотворениях и повестях Агаяна, в комедии Сундукяна «Пэпо» нашел отражение стихийный протест армянских трудовых масс против угнетателей народа. В конце XIX века центральной фигурой реалистической школы в области прозы становится Ширванзаде.

Виднейшими деятелями армянской поэзии эпохи 1860–1880-х годов явились Патканян и Шахазиз, патриотические произведения которых сыграли важную роль в пробуждении и развитии народного самосознания. Однако, не отрицая неоспоримых заслуг этих двух поэтов, Туманян сожалел, что в силу обстоятельств они оба жили вдали от родины, и это, по его мнению, не могло не сказаться отрицательно на их творчестве. «Цветок, росший в чужом краю, – говорит Туманян, – не может иметь аромата и пышности родины... Поэт должен обеими ногами стоять на родной почве, и только тогда его голос будет звучать во всю силу...»

Первый сборник Ованисяна, изданный в 1887 году в Москве, составил новый этап в развитии армянской лирики. Народно-демократический характер творчества Ованисяна раскрывается в его патриотических и социальных песнях; в них, правда, еще слабо звучат мотивы гнева и протеста, но стоны и ропот крестьянства выражены вполне отчетливо. Высокая поэтическая культура, широкий диапазон и незаурядное дарование дали Ованисяну возможность создать произведения во всех основных жанрах лирической поэзии. Лучшие традиции этих писателей, реалистов и демократов, были унаследованы Ованесом Туманяном.

В 1890 году при активной поддержке ближайших друзей Туманяна в Москве был издан первый сборник его стихотворений и поэм. Через два года увидел свет и второй сборник. Имя молодого автора стало известным широкой литературной общественности.

Передовая критика сочувственно встретила выступление молодого поэта. Она отмечала самостоятельность и оригинальность дарования Туманяна, народность его творчества, простоту и ясность языка.

Молодого автора не оставляют тревожные думы о судьбах Армении. Он жаждет облегчить страдания народа, помочь своей родине, хотя он еще не представляет, каким путем это следует сделать. Туманян видит «реки невинных слез», нищету и горе широких масс. Вот почему так печальны его песни. Вот почему он рисует скорбные картины родного края.

Кто будит сумрак гробовой,
Не устает рыдать, стонать?
Чей вопль мешается с мольбой?
Увы, всего не рассказать!
...Ночь над Арменией темна...

Туманян показывал нищую, разграбленную страну, где царил произвол, где деспотические завоеватели всё могли отнять силою. В стихотворениях молодого поэта лирические мотивы вплетались в тему общего, народного горя. Личная боль, личные переживания поэта отражали безотрадную жизнь народа; вокруг он слышал лишь «горький плач, вопли нищеты», и душа его омрачалась «ядом зла, зависти и лжи». Для интимной лирики Туманяна характерны грустные думы:

Не проси меня, не воспою
Я печаль безмерную свою, –
Отшатнется прочь твоя душа.
Увидав до дна всю боль мою...
Милый друг, ты не проси меня, –
Не спою тебе про это я...

Однако было бы неправильно думать, что молодой поэт предавался лишь печальным мыслям, что жизненные трудности убили в нем веру в будущее. Мечта о том, что несправедливый строй будет разрушен и засияет заря новой жизни, служила для него

неиссякаемым источником силы и энергии:

Вперед, борясь! Я знаю – день настанет
И настоящее падет, как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

В ранних сборниках Туманяна особый цикл составили пейзажные стихи. Часть из них носила несколько отвлеченный характер. В них автор стремился воссоздать образ родной страны общими поэтическими формулами. Так, например, в одном из стихотворений, где Туманян рисует идиллическую картину покоя и довольства, он пользуется обычными средствами романтической поэзии. Здесь мы находим и «далекие горы в тумане», и «роскошные поля и леса», и «с нежным шепотом протекающую тихую речку», и ее богатые плодородные берега, где «вольно и спокойно живут звери», а «птички поют в небесах». Однако и это стихотворение заканчивается размышлением о том, зачем же в этом прекрасном мире, где есть все для счастья, люди живут беспокойно, враждуют друг с другом, убивают друг друга.

Постоянное непосредственное общение с народом не могло не открыть глаза молодому писателю на несправедливость и жестокость политического строя царской России. Наблюдая безотрадную картину старой деревни, он невольно вспоминал о том, как неверно изображена жизнь крестьянства в произведениях некоторых армянских поэтов, и не без основания говорил: «Удивительный мы народ! Армянского поэта больше волнуют и огорчают темные тучи, сгустившиеся над белоснежной вершиной Арарата, нежели тучи, омрачающие чело нашего крестьянина...»

Сам Туманян изображал прежде всего «тучи, омрачающие чело» армянского земледельца. В стихотворении «Пахарь» поэт рассказал о горькой доле деревенского труженика, которого самый тяжелый, изнурительный труд не мог вывести из безысходной бедности.

В конце 1880-х и в особенности в начале 1890-х годов все более и более ухудшалось экономическое положение армянского крестьянства.

Наблюдения этих лет, размышления Туманяна о «крестьянской доле» нашли выражение в незавершенной поэме «Стенания», сохранившиеся отрывки которой относятся к 1890 году. Она написана в форме душевной беседы между юным гостем и стариком, который начинает свой рассказ жалобами на участь земледельца.

Автор показывает классовое расслоение армянской деревни. С одной стороны, тавады-помещики, владеющие лучшей и большей частью земли, которые сами не пахут, не сеют, но которые являются хозяевами жизни и держат в кабале «весь Крестьянский народ», с другой – обездоленные и нищие сельские труженики.

В поэме не только правдиво изображен царивший в деревне социально-экономический гнет, но и показан стихийный протест армянского крестьянства. В сочувственных тонах автор рисует образ бунтаря, пастуха Чати, не пожелавшего покориться воле «богатеев». Он с высоко поднятой головой гордо стоял на сельской площади:

«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.
Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Чати, разумеется, через суд и законы не мог добиться наказания тавада, но смелость пастуха пробуждала в крестьянстве дух непокорности. Автор говорит о тех, кто не смирился с насилием и произволом, кто не покорился злой воле кулаков и «царскому закону». Покинув свой дом, с оружием в руках скрылись они в далеких горах. Стали они «качахами» – народными мстителями. Симпатия старика рассказчика, в словах которого звучит гнев и ярость, на стороне бунтарей; так много горечи накопилось в сердце, что и он,

восьмидесятилетний старик, готов взяться за оружие:

Эх, друг! Не расспрашивай. Больше нет мочи.
Не то мне придется разбойником стать...

«Стенания» Павло Тычина в своей статье «Ованес Туманян» справедливо сравнивает с гневными песнями Шевченко и Некрасова. В них не «проста стоны, а энергичные протесты».

Суеверие, рабское подчинение адатам, жестокость, многие темные стороны жизни патриархальной армянской деревни нашли яркое отражение в ранних произведениях Туманяна.

В поэме «Маро», созданной восемнадцатилетним автором, уже достаточно четко выступали характерные особенности его творческого облика. Туманян многое воспринял от армянских сказителей. Темой поэмы послужила трагическая судьба девятилетней деревенской девочки, которую выдают замуж. Такие ранние браки в то время не были редкостью. Автор с сердечной болью вспоминает историю Маро, отчетливо понимая, что она стала жертвой отсталости, диких обычаев старой деревни. В печальных строках поэмы скрыто осуждение всего строя жизни. Так сильна была власть предрассудков, что окружавшие Маро, в сущности неплохие, но невежественные и суеверные люди отвергли несчастную девочку. Ни один человек не протянул ей руку помощи, никто не попытался предотвратить трагическую развязку.

По своей тематике близка к «Маро» другая ранняя поэма Туманяна, «Сако Дорийский». В ней автор, обращаясь к народным поверьям, стоит в то же время на вполне реалистических позициях. Будучи бытописателем родного края, он интересовался всеми явлениями, в которых отражались наиболее характерные черты жизни армянской патриархальной деревни.

С поэмами «Маро» и «Сако Дорийский» тесно связана и ранняя проза Туманяна. В ней особое место занимает рассказ «Гикор». Тонкая наблюдательность автора, его умение даже в мелочах подметить типичное и характерное, строгое построение, простой, ясный язык – эти бесспорные достоинства говорят о высоком мастерстве Туманяна-художника. Он далек от натуралистической созерцательности и от грубой тенденциозности. Правдивость сочетается с глубокой идейностью, с активным отношением автора к жизни. Он не декларирует, не произносит громких слов о справедливости, но заставляет читателя задуматься над жизнью, самому сделать необходимые выводы.

Зрелость пришла к Туманяну очень рано. Только детство его хотя порою и омрачалось безотрадными картинами жизни старой деревни, но все же прошло без забот, «под улыбкой звезд», как он говорил. Быстро пролетели годы юности, они принесли ему уже немало огорчений и разочарований, рассеялись мечты, настали дни неустанной жестокой борьбы с «трудной жизнью». Страшным казался Туманяну «отвратительный мир» зла и несправедливости. Он не находил ни одного уголка, где бы «не господствовали разбой и насилие». Уродливые явления социальной действительности, обстоятельства личной жизни породили в душе Туманяна чувство недовольства, глубокой неудовлетворенности. Еще восемнадцатилетним юношей он написал стихотворение «Старинное благословение». В нем, возвращаясь к картинам детства, рассказывая о традиционной веселой пирушке дедов под тенью орешника, вспоминает он их слова, обращенные к детям и внукам: «Живите дети, но не так, как мы». С тех пор прошло немного лет, но автору уже стали понятны и близки эти мудрые слова дедов.

В 1888 году, девятнадцати лет, Туманян женился. Прибавились заботы о семье, которая быстро росла. В 38 лет Туманян был отцом десяти детей. Нужно было постоянно думать об изыскании средств, чтобы прокормить многочисленную семью. Окружающие близкие люди постоянными упреками в недостаточной практичности не давали поэту покоя. Они надоедали ему своими уговорами идти по стопам отца, принять сан священника. Его родные не считали литературу серьезным делом и не понимали, что Туманян давно и твердо избрал трудный путь

поэта. В письмах к друзьям Туманян говорил о переживаниях человека, которому не чужды высокие порывы вдохновения, сильные и глубокие чувства, смелые взлеты творческой мысли, и вместе с тем этот человек лишен элементарных условий для осуществления своих замыслов.

Туманян предпочитал большие поэтические формы, его излюбленным жанром была поэма. Но она требовала длительного, спокойного, сосредоточенного труда.

Жизненные невзгоды подсказали Туманяну сатиру «Поэт и муза». Многие эпизоды в ней явились отражением жизни самого автора, он рассказывал о своем собственном тернистом пути.

В жизни каждого большого писателя бывают периоды особого подъема творческой деятельности. Иногда несколько месяцев вдохновенного труда приносят больше плодов, чем долгие годы напряженной работы.

Таким периодом в жизни Туманяна было лето 1900 года, проведенное в высокогорной живописной местности Абастуман. Здесь Туманян вернулся к поэме «Ануш» и почти заново ее написал. Здесь им были созданы «Парвана» и «Взятие крепости Тмук», в основе которых лежат фольклорные мотивы.

Еще в ранний период своей литературной деятельности Туманян подчеркивал огромное значение устного народного творчества для развития литературы. В 1894 году он говорил о столетних стариках, которые часто встречались ему в деревне. «Каждый из них – житница, музей преданий, сказаний, народных верований. Многие их рассказы, обычаи, сказания дошли до нас из глубокой старины; они отражают жизнь и нравы наших предков, являются созданием их мысли... Вот где источник армянской литературы, вот откуда должен черпать свои силы армянский романист, поэт, писатель!» Сказки, легенды, пословицы и поговорки – фольклор в целом Туманян воспринимал как жизненный, исторический опыт народа, его мудрость, его философию. Всю свою сознательную жизнь поэт любовно и бережно собирал памятники устного народного творчества, считая их самым драгоценным материалом для писателя.

В легендах и преданиях, где изображение реальных исторических событий переплеталось с чудесными, сказочными мотивами, Туманян находил самобытный мир народной поэзии. Фольклор был для него одним из основных источников, откуда он черпал темы многих произведений. Для восприимчивой натуры писателя иной раз нужен был лишь внешний толчок, простодушный рассказ крестьянина или сказание, живущее в памяти народа, чтобы в воображении возникла законченная картина, полная поэзии и драматизма. Именно такова творческая история многих произведений Туманяна.

В 1901 году поэт побывал в горной местности Джавахк, славившейся своими певцами и сказителями. Здесь и зародилась идея поэмы «Парвана». Основой ее послужило народное предание. Туманян с большой теплотой и любовью рисует образ героини поэмы, юной девы, которая совсем не похожа на надменную гордячку, на царскую дочь. Она нежна и скромна, одарена красотой, умом и чувством справедливости. Она не желает склоняться перед грубой физической силой. Девушка из Парваны ищет в жизни нравственное совершенство, душевную красоту, неугасимое чувство любви.

«„Парвана“ Туманяна, – говорил поэт Ваан Терьян, – понятна и прекрасна для всех народов, так же как „Золотая рыбка“ Пушкина».

Поэма проникнута лиризмом, но в ней уже намечается переход к исторической теме, к широким эпическим полотнам. Летом 1902 года Туманян писал Ф. Вартазаряну: «Знаешь, я постепенно начинаю любить философию, а в поэзии – то, что не содержит ни слез, ни волнений, но величавое спокойствие, олимпийский, благородный полет к лучшим мирам, в более ясные, чистые сферы». При этом армянский поэт сообщал, что он приступил к написанию «большой национальной поэмы», в которой будет выражено то, что «давно хаотически бурлит» в нем. Какое свое произведение имел в виду Туманян, трудно теперь сказать, но за год до этого письма у него возникло намерение побывать в старинной крепости, недалеко от Ахалкалаки, с которой связывалось историческое предание о тмукской красавице. Ознакомившись в этнографическом сборнике с записью предания, поэт заинтересовался им, и

оно стало темой поэмы «Взятие крепости Тмук».

Внимательно изучив все доступные ему источники, Туманян считал себя вправе не следовать слепо за фольклорной традицией. В его поэме действие переносится в конкретную историческую эпоху. Подвергся значительным изменениям и сюжет предания. Одни черты получили естественное развитие, другие были вовсе отвергнуты поэтом. Изменилась трактовка основных образов, психологическая канва была осложнена и обогащена новыми мотивами. Бесславный конец изменницы подтвердил одну из излюбленных идей Туманяна о том, что зло, подлость и преступление должны быть наказаны.

Поэма начинается и завершается песней ашуга; весь сказ ведется устами народного певца. Собрал вокруг себя слушателей, он рассказывает о событиях прошлых времен. Идея поэмы раскрывается в словах старика:

Проходит любовь, проходят радость,
Красота, богатство и троны...
Лишь дело человека бессмертно...

(Подстрочный перевод)

В основе поэмы лежит мысль о том, что человек после смерти оставляет след лишь своими делами. Старый ашуг клеймит позором злодейство и подлость, он поет славу тем, кто уходит из мира с чистым сердцем и чистой совестью.

В поэме «Взятие крепости Тмук» автора занимала задача создания исторической героической поэмы. Иные цели преследовал Туманян в поэме «Ануш». В это время он вплотную подошел к решению задачи первостепенной важности – к созданию национальной поэмы из народной жизни. В осуществлении своих замыслов он не нашел достаточной опоры у своих предшественников. В то время жанр поэмы, и в особенности на темы современной жизни, в армянской литературе был чрезвычайно слабо разработан. Ни «Скорбь Левона» Шахазиза, ни «Аварарийский соловей» Алишана не могли удовлетворить Туманяна. Первая из них не могла служить Туманяну опорой, так как она не имела четкой сюжетной линии. Вторая, «Аварарийский соловей» Алишана, написанная в романтических тонах, была посвящена далекому историческому прошлому Армении. Туманян же поставил перед собою цель создать реалистическую поэму из армянской народной жизни, и, естественно, он должен был обратиться к богатейшему опыту русской литературы.

Туманян искал форму, которая была бы способна выразить новое содержание, которое он вносил в армянскую поэзию. Это новое содержание определялось двумя основными творческими принципами зрелого Туманяна: народностью и реализмом – чертами, более всего привлекавшими его и в поэмах Пушкина и Лермонтова.

В лирической поэме «Ануш» трагедия любви изображена на широком фоне жизни и быта армянской патриархальной деревни, что придает поэме огромное познавательное значение. Прав был В. Брюсов, когда писал: «Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его „Ануш“) дает больше в познании современной Армении ² и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований».

В армянской деревне царил старый, традиционный быт. Крестьянское население строго придерживалось дедовских обычаев – адатов. В особенно тяжелом положении находилась женщина, ее отношения со всеми членами семьи и обществом строго регламентировались суровыми законами гор. Ее положение определялось доброй волей мужчины или его капризом.

Много уродливых явлений порождал этот темный мир, много суеверий и предрассудков,

² Речь идет о дореволюционной Армении. Статья Брюсова написана в 1916 году.

которые были освящены и закреплены в сознании крестьянской массы традицией. Туманян своим правдивым рассказом заставляет читателя задуматься над темными сторонами жизни. Девушка не имела права руководствоваться собственными желаниями, не могла решать свою судьбу; она была обязана слепо подчиняться воле родителей. Сестра обязана во всем быть послушной брату, тем более, если он глава семьи. Ануш полюбила всем сердцем Саро, но он оскорбил честь ее брата Моси, поэтому она должна навсегда забыть своего возлюбленного. Этого требуют и брат, и отец. Наконец, этого требует честь всей семьи.

В «Ануш» действие развивается закономерно, по естественному ходу событий. Жизненно правдив психологический конфликт, возникший на почве нарушения старинных обычаев, установленных норм поведения.

В разработке образов армянский поэт часто достигает типизации и глубины при помощи отдельных штрихов, намечая лишь контуры психологического портрета. Такими штрихами, например, создан образ брата Ануш, пастуха Моси. Нет в поэме и подробной психологической характеристики Саро. Но стоит несколько вдуматься в те немногие строки, в которых говорится о переживаниях пастуха, чтобы перед нами предстал цельный образ сына гор с его простым и ясным душевным миром.

Прекрасной иллюстрацией высокого мастерства Туманяна может служить песня обезумевшей Ануш. С максимальной экономией слов, простыми средствами автор достигает в раскрытии трагического образа героини потрясающей глубины. Быстрая смена впечатлений, переходы от реальных ощущений к безумным грезам, бессвязная речь – все это психологически оправдано и глубоко верно рисует душевное состояние девушки.

В основе поэмы лежит глубокая человеческая трагедия. Туманян показывал мир невежества и темноты, мир горя и страданий, и делал он это с болью сердечной, полный безграничной любви к своему народу. Он не оправдывает Моси, когда тот, ослепленный эгоистическим самолюбием, следуя закону гор, убивает своего друга. Не оправдывает он в другой поэме и отца Маро, отвергнувшего свою несчастную дочь. Но вместе с тем Туманян и не осуждает их, считая жертвами неумолимого адата. Им тоже нелегко, они тоже страдают.

В поэме исключительно важное место занимает пейзаж. В бесконечно богатом и разнообразном мире природы Туманян искал и находил красоту и гармонию. Природа была для него неиссякаемым источником вдохновения. Его поэтическое чувство каждый раз протестовало, когда он видел вырубленный лес, взорванные скалы, бессмысленно варварское разрушение природы. Бесконечная влюбленность Туманяна в природу, обогатившую его мироощущение и воспитавшую в нем лирическое чувство, не могла не оказать влияния и на формирование его поэтического мирозерцания. Уже в раннем его творчестве имеются такие образцы пейзажных стихотворений, как «Две черные тучи», «Концерт», «Перед картиной Айвазовского». Но ни в одном из своих произведений Туманян не достиг такого совершенства, гармоничного слияния пейзажа с другими художественными элементами, как в поэме «Ануш».

Туманян далек от натуралистического восприятия природы. В его поэзии она никогда не служит простым фоном или украшением, не выступает в роли немой, равнодушной свидетельницы печальных событий. В прологе поэмы поэт обращается со словами приветствия к зеленым горам. Реки, горы, темные ущелья, поля и цветы под пером поэта оживают, обретают язык человеческих чувств. Вместе с ним оплакивают несчастную любовь горные цветы, «сердца и глаза которых были полны слезами-росинками» Добрые феи, красавицы пери «на крыльях ветерка, на лучах луны» поют грустную песню Ануш и, как только первые лучи озаряют вершины гор, прячутся в стволах толстых дубов, в синих струях родников, в пене волн летящей со скал реки.

Пейзаж в поэме Туманяна появляется не в форме лирического отступления, а как органическая, необходимая часть художественного целого, как непосредственное звено сюжетного развития. В отношениях героев поэмы к природе преобладает чувство близости к ней, теплоты непосредственного общения с нею. Девушки, шумной гурьбой с песнями идущие за водой, ведут как бы дружескую беседу с прозрачными струями родника, обращаясь

к ним с сердечной тревогой: не видели ли они любимого, не напился ли он холодной воды и «не прошла ли боль в его груди?» И Саро в минуту тоски и одиночества обращается к родным горам, в которых видит он верных друзей, и рассказывает им о своем горе.

Творческая история «Ануш» свидетельствует о том, как долго и упорно работал Туманян над своими произведениями, как часто прибегал он к тщательной переработке текста, иногда меняя всю структуру отдельных глав в поисках более экономной, точной формы и художественной выразительности. Для Туманяна характерна высокая требовательность к писательскому труду.

В поэме очень сильно песенное начало. В ней, как и в традиционной народно-музыкальной драме, повествование чередуется с песней. Хор горных фей в прологе, песня Саро, хор идущих за водой девушек, песня Ануш, хор девушек на весеннем празднике, снова песня Саро, песня прохожего странника и, наконец, песня обезумевшей Ануш. Песни и элегическое вступление, гармонирующее с трагическим финалом, обуславливают музыкальность поэмы. Эти особенности «Ануш» привлекли внимание композитора Армена Тиграняна, и он с большим воодушевлением принялся за создание оперы на сюжет поэмы Туманяна. Ее музыкальные достоинства облегчили задачу композитора, который опирался на богатые традиции армянской народной мелодии и достиг полной гармонии между текстом и музыкальной формой. Композитору удалось настолько близко подойти к истокам народной мелодии, что многие песни из оперы были восприняты широкой массой как собственные творения. «Ануш» Тиграняна стала первой армянской национальной оперой.

Думы о судьбе народа, мысли о его вековой борьбе за свободу и счастье привели Туманяна к армянскому героическому эпосу. Им овладело желание написать поэму, опираясь на богатую фольклорную традицию сказа о сасунских богатырях.

Эпический цикл «Давид Сасунский» складывался в течение многих столетий, но окончательно оформился в X веке. «Есть возможность утверждать, — пишет акад. И. А. Орбели, — что в том виде, как сложились основные моменты сказаний, вошедших в эпос, они получили оформление приблизительно тысячу лет тому назад: деяния мифических героев были приурочены к обстановке напряженной борьбы армянского народа с арабскими завоевателями». В «Давиде Сасунском» древнейшие мифологические мотивы переплетаются с изображением реальных исторических событий. Его основное содержание составляет героическая борьба армянского народа с чужеземными поработителями за свободу и независимость родины. Сказ о сасунских богатырях отражает идеологию широких слоев народа, их стремление к созидательному труду, их желание жить в мире и дружбе с другими народами.

Армянский героический эпос в передаче народных сказителей распадается на четыре группы повестей о славных делах четырех поколений богатырей. Первое поколение сасунских храбрецов — Санасар и Багдасар, второе — Мгер старший, или Мгер, подобный льву, отец Давида; третье — Давид и, наконец, Мгер младший, которым и завершается эпический сказ.

Еще предшественники Туманяна пытались создавать литературные произведения на сюжет эпического сказа о Давиде Сасунском. Однако стоило появиться поэме Туманяна, как все более ранние попытки были забыты и его «Давид Сасунский» полностью овладел вниманием читателей.

Автор не увлекается заманчивой перспективой охвата эпического памятника в целом, со всей многосложностью и многоплановостью его идейно-сюжетного развития. Он ограничился определенным тематическим кругом, выделив, со своей точки зрения, наиболее важное и существенное, характеризующее народный дух эпоса. Темой для своей поэмы Туманян выбрал деяния Давида Сасунского, центральной фигуры эпического памятника. Давид изгнал врагов, восстановил армянское государство и остался в народной памяти благородным, бесстрашным богатырем.

В работе над поэмой автор стремился оставаться как можно ближе к народным вариантам, послужившим для него материалом и источником вдохновения. Отвергая и

принимая отдельные эпизоды, Туманян, основываясь на изучении множества вариантов, правильно определял основные линии эпоса и создавал свои картины, не противоречащие идейной и художественной правде народной поэзии.

В соответствии с основным принципом своего творческого метода Туманян усилил исторические элементы эпического памятника, придав ему в целом реалистическое звучание. Этому немало способствует и язык поэмы, показывающий, как широко пользовался автор сокровищницей живой народной речи.

Не отрицая наличия исторических элементов в армянском эпосе, Туманян считал, что образ Давида Сасунского не является воплощением какого-либо армянского средневекового князя-нахарара. «Ошибаются наши филологи, – писал Туманян, – когда хотят ключом армянской истории отомкнуть большой замок армянского эпоса или национальным светильником хотят осветить его темные уголки, предполагая, что это дворец того или иного армянского князя или царя». В «Давиде Сасунском» Туманян видел «собирательный образ армянского народа», запечатленный в национальном эпосе. Последний представлялся поэту как огромный, освещаемый солнцем самобытный мир, где он искал выражение общечеловеческих идеалов.

В «Давиде Сасунском» Туманян, считаясь с эпическим характером сюжета, стремится к объективизации рассказа. Он последовательно излагает ход событий, не выражая ни своего восхищения, ни своего негодования. Тем не менее присутствие автора – патриота, демократа и гуманиста – постоянно ощущается, и это придает поэме особую теплоту и лиризм.

Демократизм автора с наибольшей яркостью проявился в описании кровавого боя. Когда Давид нападает на вражеское войско и начинает истреблять его, из среды солдат Мсра Мелика выступает вперед старик. Он говорит Давиду о том, что пришли они в Сасун не по своей воле, что они «бедные земледельцы и царь силой собрал и погнал» их на войну. «„У нас нет вражды к тебе, – говорит старик воин, – царь – твой враг, хочешь воевать – вой с ним. Зачем избиваешь бедный народ своим мечом-молнией? И меч-молния богатыря повисает в воздухе“, – писал Туманян, поясняя идею своей поэмы. „Правду молвишь ты, старик“ – отвечает Давид Сасунский, и, оставив простой народ, он поворачивает своего коня, направляя его к царскому шатру».

Основная тема поэмы – изгнание чужеземных завоевателей, борьба за свободу и независимость родины, но Туманяну чужда идея национальной исключительности. В солдатах противника он не видит врага. Виновники войны – это правящие верхи, цари, феодалы, жаждущие завоеваний и богатств ценою крови и страданий трудящегося люда.

Туманян всем сердцем сочувствовал справедливой, освободительной войне народа, он воспевал героизм Давида, идущего в бой с врагами родины. Вместе с тем он с гневом говорил о несправедливой, захватнической войне как о народном бедствии и выступал против поджигателей разбойничьих войн. Он утверждал, что подобные войны «всегда устраивались со стороны правителей стран, правительственных кругов и руками правителей... И всегда это делалось против воли и желания простого народа, трудящегося человека».

В годы первой русской революции национальный вопрос на Кавказе принял особую остроту. Перепуганное царское правительство не останавливалось перед жесточайшими мерами для того, чтобы подавить революционные выступления рабочих и крестьян. Но вместе с тем оно прекрасно понимало, что одними репрессиями невозможно остановить нарастающую активность масс. Самодержавие натравливало народы России друг на друга, чтобы расколоть силы революции.

В исторические дни революции 1905 года произошло спровоцированное царскими властями армяно-азербайджанское столкновение. Оно произвело тяжелое впечатление на М. Горького. «Бывая на Кавказе, – писал он, – я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринком и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно было поверить, что эти простые славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе».

Не хотел поверить этому и Туманян. Он боролся с национальной враждой. Он с белым флагом объезжал азербайджанские и армянские деревни, убеждая крестьян не поддаваться провокации, сохранить добрососедские, мирные отношения между собою. Туманян, правильно оценив сущность кавказских событий 1905 года, писал с горькой досадой: «Занятые этой низкой и постыдной войной, мы оказались в стороне от освободительного движения в России». Тем не менее он имел полное основание гордиться тем, что сумел убедить поднявшиеся друг против друга народы «вложить мечи в ножны» и тем спасти многие тысячи жизней.

Активная общественная деятельность Туманяна, в особенности его участие в событиях 1905–1907 годов, привлекла внимание жандармерии, и за ним был установлен тайный надзор. 28 декабря 1908 года в квартире поэта был произведен обыск; он был арестован и посажен в Метехскую крепость.

В крепости Туманяном была написана сказка в стихах «Капля меда», явившаяся злой сатирой на царей и правителей. Автор показывает, как из-за случайного, ничтожного пустяка завязывается конфликт, который, все больше и больше разгораясь, приводит к невиданному кровопролитию. Автор изобразил войну как бессмысленное, страшное народное бедствие, приносящее много страданий и горя миллионам людей.

Туманян вынужден был высказать свои мысли в завуалированной форме. Тем не менее основная идея его сказки ясна. Она заключается в желании автора доказать, что войны можно было бы избежать, если бы не цари и правители, которые по сути дела и являются виновниками кровавых событий. Туманян издевается над царями, произносящими высокопарные, лицемерные и фальшивые речи о причинах, заставивших их взяться за оружие. Не менее ярко в сказке Туманяна выражена мысль о том, что простому народу война вовсе не нужна.

В тюрьме, в день своего сорокалетия, Туманян написал стихотворение «Перевал», в котором как бы подводил итог пройденному жизненному пути. Шестимесячное пребывание в Метехской крепости не сломало волю поэта. Он спокойно и уверенно смотрит в будущее.

После освобождения Туманян с новой силой и творческой энергией отдался литературной работе.

Редко кто из армянских писателей, начиная с родоначальника новой армянской литературы Абовяна, не занимался педагогической деятельностью. Абовян писал о народной жизни и для народа. Но трудно было ему довести свое пламенное слово до широкого читателя в силу царившей в Армении неграмотности. И, продолжая свои литературные занятия, Абовян со страстным рвением отдался делу народного образования. Распространение грамотности, пропаганда просвещения, создание народных школ стали для Абовяна делом жизни.

Агаян, учитель и друг Туманяна, также вошел в историю армянской педагогической мысли как один из передовых деятелей народного просвещения.

После Агаяна лучшими произведениями для детей Армении обязана Туманяну. Стихи армянского поэта, написанные для самых маленьких читателей, привлекли внимание П. Г. Тычины, который с любовью и большим талантом перевел их на украинский язык. Из разнообразного и богатого наследия Туманяна украинский поэт намеренно выбрал именно детские стихотворения. Тычина отметил особое умение Туманяна говорить с детьми о понятных и близких им предметах простым и ясным языком. «А как он умел беседовать с детьми! – пишет Тычина о Туманяне. – Его стихи для детей, его сказки, рассказы – это настоящие жемчужины мировой поэзии».

1910–1916 годы были периодом кипучей литературно-общественной деятельности Туманяна. Он становится инициатором и активным членом целого ряда культурно-просветительных обществ, постоянно выступает в печати.

Чувствуя отвращение к буржуазно-националистическим группировкам, Туманян не мог примкнуть ни к одной из них. Не находил он и такого печатного органа, который целиком отвечал бы его демократической позиции, а потому вынужден был сотрудничать в разных газетах и журналах. Так, например, с конца 1909 года армянский поэт выступал на страницах издававшейся в Тифлисе ежедневной газеты «Оризон» («Горизонт»), которая фактически

стала трибуной буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн».

Сотрудничество Туманяна в этой газете явилось в известной мере случайным эпизодом в его биографии и не характеризует общественную позицию Туманяна. Недаром он по поводу своего участия в «Оризоне» писал, что это было не его место и он там чувствовал себя «только гостем». Однако это формальное сотрудничество, по-видимому, послужило поводом к тому, что 7 ноября 1911 года Туманян был вторично арестован. Около месяца пробыл он в Метехской крепости в Тифлисе, а затем по этапу был отправлен в Петербург, в Дом предварительного заключения. Туманяна обвиняли в причастности к буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». Более четырех месяцев длилось судебное разбирательство, и лишь 22 марта 1912 года Туманян был освобожден.

После недолгого пребывания в Петербурге и Москве, в апреле 1912 года Туманян вернулся в Тифлис. Осенью того же года по его инициативе в Тифлисе было организовано Кавказское содружество армянских писателей, бессменным председателем которого он был в течение многих лет.

В эти годы армянский поэт продолжал активно выступать в печати. В статьях на историко-литературные темы он говорил о процессе постепенного освобождения литературы от опеки царей и меценатов и искренно сожалел, что Гете бывал при дворе, что Фирдоуси был певцом Махмуд-шаха, что Руставели воспевал царицу Тамару.

Туманяну больше по сердцу поэты, которые были с народом, «воспевая его горе», которые «воодушевлялись его мечтами, выбирали своих героев из его среды». Он приветствует литературу, в которой «вместо царской мантии появилась повседневная одежда простого человека, вместо дворцовой драпировки и парков раскинулась свободная природа и вместо напыщенных трескучих фраз начал господствовать народный язык со своими живыми оттенками, строгим стилем и прозрачной ясностью».

Армянского поэта привлекали имена великих гуманистов Шекспира и Сервантеса, в творчестве которых он видел победу разума над предрассудками и невежеством средневековья. Эти имена в условиях первой мировой войны стали для Туманяна знаменем в борьбе за мир и дружбу народов. «Этот день спешит навстречу страдающему человечеству как символ международного единения, – писал Туманян в 1916 году к 300-летию со дня смерти Шекспира и Сервантеса, – как свидетельство того, что народы шлют друг другу не только разрушающие снаряды, но и все самое возвышенное, о чем может мечтать человек; что есть у народов священные связи, крепкие и нерушимые даже тогда, когда рвутся и попираются договоры, скрепленные королевскими печатями». Туманяну особенно дорога была мысль о «нерушимой, крепкой, священной» связи между народами. Шекспир и Сервантес и подобные им гиганты художественной мысли, по утверждению Туманяна, скрепляют, делают прочной эту «священную связь», общность высоких духовных интересов и конечных целей, помогая всем передовым силам человечества объединиться в борьбе за мир и счастье народов.

«Шекспир и Сервантес, Гамлет и Дон-Кихот! – это они освободили человеческую мысль от... средневековой мистерии... – писал армянский поэт, – вывели искусство и литературу за стены дворцов и монастырей, в просторный и необъятный солнечный мир». Для Туманяна с его широкими демократическими взглядами было особенно важно отметить великое освободительное значение творчества Шекспира и Сервантеса, указать, что благодаря им литература вырвалась из затхлой атмосферы монастырей и дворцов в «солнечный мир», что они «развенчали перед народами их властелинов и раскрыли перед ними человеческую душу».

В выступлениях на литературные темы Туманян уделял большое внимание вопросам языка. Спор о языке имел для него практическое значение. Для Туманяна, стоявшего на демократических позициях, признававшего творцом языка народ, живой, разговорный язык в развитии литературы должен был занять особо почетное место. Туманян боролся против тех, кто ревностно защищал «чистоту» книжного языка, и тех, кто стоял на реакционно-консервативных позициях и с пренебрежением относился к народной речи. «Нашим могучим и живым литературным языком, – говорил Туманян, – будет слияние

народных наречий, „грабара“ (языка древнеармянской литературы) и существующего ныне литературного языка». Положение это не явилось для Туманяна лишь теоретическим рассуждением; оно уже было проверено и оправдано жизнью самой литературы. Ваан Терьян первый правильно определил место и значение Туманяна в развитии языка литературы: «Туманян сейчас довел свой язык до такой степени кристаллизации и ясности, – говорил Терьян в 1914 году, – что приблизил его к языку Пушкина. Это и следует считать одной из величайших заслуг Туманяна».

Терьян этим хотел подчеркнуть особо важную роль Туманяна в развитии армянского литературного языка. Характер языка Туманяна, его богатство и культура были обусловлены теми большими сдвигами, которые произошли в армянской литературе в конце XIX – начале XX века. Именно в этот период значительно обогащается словарный состав литературного языка, усиливается процесс растворения диалектов в едином общенациональном языке.

Туманян жил широкими общественными интересами. Не было ни одного животрепещущего, жизненно важного вопроса, мимо которого он прошел бы равнодушно. Вопросы о будущем Армении, проблема мирного сосуществования и дружбы народов Кавказа, вопросы народного просвещения, искусства и литературы – все глубоко волновало Туманяна. Чем глубже проникал Туманян в тайники жизни, тем больше росла в нем тревога за судьбу народа, тем настоятельнее он искал выхода из окружающего его мрака. Он сознавал противоречия социальной действительности, был свидетелем безотрадной, темной жизни крестьянских масс, видел произвол, жадность и жестокость сильных, богачей, правителей. Он видел войны и разорения, бесчисленные раны народа. Туманян не мог не отрицать эту действительность и прекрасно понимал, что так жить нельзя. В поисках выхода обращался он иногда к прошлому, где искал мир и гармонию, где искал нравственные идеалы. Но и тут поэт сталкивался со страшными диссонансами жизни. Тогда мысль его обращалась к будущему.

Выработанный им социальный идеал нашел яркое отражение в его сказке «Золотой город». В ней поэт рисует картину всеобщего счастья, где миру «зла и горя» противопоставлен «золотой город», в котором нет хозяев и рабов и все живут спокойно, наслаждаясь плодами своего труда.

Мирный созидательный труд Туманян считал основой будущего, разумного общественного строя, но он не указывал конкретных путей достижения конечной цели. Правда, в творчестве его сквозит порой мысль о стихийном возмущении народа.

Уже в ранней поэме Туманяна «Стенания» появляется тема народной борьбы. Она присутствует и в его легенде «Шах и разносчик». В ней Туманян говорит: «Пока существует шах и пленник, хозяин и раб, не быть на земле ни правдивому слову, ни жизни, ни любви...» П. Тычина, сопоставляя легенду Туманяна с «Прогулками по Риму» Стендаля, в которой «римские ремесленники... дают сдачи, когда их бьют», писал: «Дают сдачи злобному шаху и армянские бедняки, невзирая на то, что одного из них шах мечом зарубил». Мотивы стихийного протеста несомненно составляют одну из самых сильных сторон творчества армянского поэта.

Туманян искренне верил, что проповедью идеи мира и братства можно достигнуть всеобщего счастья на земле. Перед первой империалистической войной, в раскаленной атмосфере ожесточенной борьбы, когда надвигались грозные события, Туманян взывал к человечности, обращаясь к людям различных партий и направлений. Он горько жаловался на то, что люди слишком окаменели, слишком привыкли к желчи и ненависти. «Неужели останется для нас чуждым и недоступным светлое чувство любви, – говорил Туманян, – неужели не можем мы сблизиться друг с другом, смотреть друг на друга глазами добра, видеть друг в друге хорошее?» И когда его слова о братстве и любви, подобно «гласу вопиющего в пустыне», повисали в воздухе, Туманян глубоко скорбел.

Слабость мировоззрения Туманяна была в том, что он ясно не представлял перспектив реального выхода, не сразу оценил значение растущей новой социальной силы в лице пролетарского революционного движения, способного открыть путь к светлому будущему.

В годы первой мировой войны Туманян не оставался в стороне от грозных событий. С группой литераторов и общественных деятелей он дважды побывал на фронте. В письмах к друзьям поэт делился тяжелыми впечатлениями: он видел разрушенные деревни, видел обезображенные тела убитых, был свидетелем невиданных страданий народа. Война повсюду сеяла смерть и разрушение. В Армению хлынул огромный поток беженцев. Тысячи людей умирали с голоду, и тысячи сирот остались без крова и хлеба. Туманян прилагал огромные усилия, чтобы облегчить участь пострадавших: он организовывал помощь раненым, беженцам, принимал деятельное участие в устройстве приютов для сирот.

В эти годы Туманян пишет свои «Четверостишия».

Редко кто из армянских поэтов обращался к этому труднейшему жанру, требующему максимальной экономии слов, до предела сжатых, строгих форм. В «Четверостишиях» нашли отражение переживания и размышления Туманяна последнего периода его жизни, его тяготение к философским обобщениям. В этом смысле они являются «биографией души» автора. Их можно рассматривать как определенный этап в развитии лирики Туманяна, но не как синтез всего его творчества.

Эти поэтические миниатюры написаны преимущественно во время первой империалистической войны и в период недолгого, но кровавого господства в Закавказье буржуазно-националистических партий. Ужасы войны, жестокость, кровь и слезы невинных, толпы беженцев, голодные дети, безутешное горе матерей, потеря любимого сына во многом определили содержание и скорбный характер «Четверостиший». В них отразились глубоко волновавшие поэта грустные события личной и общественной жизни. В них явственно видна смятенность чувств Туманяна.

В «Четверостишиях» нашли выражение и социальные воззрения Туманяна. В них поэт предается тяжелым раздумьям, философским размышлениям о мире, о путях человечества, о цели существования, о жизни и смерти. Он мечтает о «тихом уголке, безмятежном сне младенца, спокойном и мирном существовании человечества». «Четверостишия» раскрывают богатый душевный мир, благородное сердце поэта-гражданина.

Скорбные мотивы «Четверостиший» не характерны для оптимистического и жизнеутверждающего в целом творчества Туманяна. Поэт обладал большой силой внутреннего мужества. В нем было развито живущее в сознании народа здоровое чувство оптимизма. «Поднялась буря, – писал он в дни первой империалистической войны, – за тяжелым чувством последовали страшные потрясения и смятения, но и это пройдет, вновь взойдет яркое солнце и улыбнется мирный день... После нынешней войны с невиданной силой и глубиной встает проблема мира во всем мире».

В чем же видел Туманян источник взаимного недоверия, столкновений, вражды между народами, в частности между народами Кавказа? Они, по утверждению армянского писателя, жили бы спокойно и мирно, если бы господствовавшие классы не отравляли сознания масс. Туманян был глубоко убежден, что национализм не только антинародное явление, но что он вообще чужд широким массам.

В 1918 году, когда в Закавказье хозяйничали буржуазно-националистические партии, когда подняли голову силы реакции, подстрекаемые и поддерживаемые английскими интервентами, Туманян указывал на единственно правильный путь – солидарность народов Кавказа с новой Россией в великой освободительной войне.

Победу социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, поэт горячо приветствовал как зарю новой жизни. В завоеваниях Великого Октября Туманян видел осуществление вековых чаяний армянского народа. «Идет власть, – говорил он в 1921 году, – которая должна навсегда покончить с кровью и разорением, создать вечный мир для народов».

О такой власти в течение многих веков мечтало трудящееся человечество... эта власть ведет народы не на войну и убийство, она несет им мирную и спокойную жизнь, основанную на честном труде...»

Туманян осознал всемирно-историческое значение Великой Октябрьской

социалистической революции. Он горячо приветствовал Советскую Россию, которая навсегда покончила с миром рабства и указала угнетенным народам путь к освобождению. «Малые страны, – писал поэт в 1920 году, обращаясь в Революционный Комитет Армении, – это источник наживы для алчных, бесстыдных и могучих империалистических держав. Новая Россия выводит эти страны из рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества...» И поэт призывал все народы «крепко, в меру своих сил, помогать только что вставшему на ноги русскому богатырю».

Когда в 1919 году многонациональный Кавказ, следуя примеру русского народа, поднял знамя борьбы за власть Советов, поэт был всем сердцем на стороне революционного народа. Туманян всегда верил в возрождение своей страны. Еще в 1915 году он ощущал дыхание грядущих бурь и воспевал светлый час освобождения родины:

В одеждах пламенных придет заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ – как блеск ее лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат...

Туманян стал свидетелем тех исторических дней, когда освобожденный русский народ протянул Армении братскую руку помощи и она стала Советской Социалистической Республикой.

Осенью 1921 года по приглашению правительства Советской Армении с группой литераторов Туманян посетил Ереван с горячим желанием принять непосредственное участие в строительстве новой жизни.

Возвратившись в Тифлис, Туманян по приглашению Комитета помощи Армении, председателем которого состоял, поехал в Константинополь. Вернулся поэт из заграничной поездки совершенно разбитым и больным. Более двух лет он был прикован к постели. В это время он взялся за переработку некоторых своих произведений, его волновали и новые темы, он мечтал вернуться к своей сказочной поэме «Тысячеголосый соловей». Однако тяжелая болезнь помешала осуществлению широких творческих замыслов.

После операции, в марте 1922 года, состояние Туманяна на некоторое время улучшилось, но ненадолго. Осенью ему стало хуже. В декабре 1922 года, по решению правительства Советской Армении, он отправился за границу на лечение. Однако состояние Туманяна было настолько тяжелым, что, когда он приехал в Москву, врачи не решились отправить его дальше. Были приложены все усилия, чтобы спасти больного поэта, но сделать ничего не удалось. 23 марта 1923 года Туманян скончался.

Туманян прошел долгий, сложный путь. В нем никогда не угасала вера в народ, в его созидательную силу, в его способность бороться за справедливые основы жизни.

Вглядываясь в глубину веков, мысленно обозревая более чем двухтысячелетнюю историю своей родины, Туманян мечтал о времени, когда

...утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
Зеленых горах...

В его мудрой, мужественной поэзии, выражаясь языком его стихов, «радостью грядущих славных дней звенели струны вдохновенно...»

Неувядаемая поэзия Туманяна и ныне служит советскому народу, его великому созидательному труду, его неуклонной борьбе за мир и дружбу народов.

К. Григорьян

Стихотворения

ПРОЛОГ
© Перевод М. Петровых

О горы, я вновь смятеньем объят.
Предчувствуя вас, ликует душа.
Очнулись мечты, раздольем дыша,
К вам, гордые, к вам влюбленно летят.

Грустишь в небесах, родная краса!
На кручах, как скорбь, темны облака.
Как туча, тяжка на сердце тоска.
К вершинам летят души голоса!

Ты вновь предо мной, отчизны печаль.
Младенческих дней наставница ты.
Смущала покой, будила мечты
И властно звала в заветную даль.

Вы чудитесь мне, родные края:
То голос тоски на сотни ладов.
К тебе я, к тебе на горестный зов
Всем сердцем стремлюсь, отчизна моя!

Не песен весны живую красу
Иль свежий цветок – родная страна.
Лишь стоны мои тебе принесу,
Ущелья твои заполню до дна.

Вы, бездны, темны и ночью и днем.
Как раны страны на сердце моем.
И вас порастил громовой удар.
Вам песни несу, примите мой дар.

Откликнитесь мне, померьтеесь со мной
Бездонных теснин глухой глубиной.
О! правда ли так они глубоки,
Как бездны моей бессонной тоски?!

1890

СТАРИННОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ
Перевод Б. Серебряков

Там, под орешником, развесившим листву,
На корточках, по старшинству
В кругу почетном восседая,
Обычай соблюдая,
Смеялись, пили
И шутили,
Вели беседы длинные за чашей

Хозяева села – отцы и деды наши.

Мы – трое школьников – стояли тут же рядом,
Сняв шапки, с любопытным взглядом,
Сложивши руки на груди покорно.
Ребячески задорно
Мы пели песни, громок был их звук,
Отцов и дедов радовался круг.

Но вот мы кончили. Тогда,
Крутя усы, поднялся тамада,
За ним, поднявши чаши налитые,
Все остальные.
Сказали нам: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

Прошли года. Не сосчитать потерь...
И песни наши горестней теперь.
И, настоящее слезами орошая,
Я понял, почему, благословляя,
Нам говорили старшие в тот час:
«Живите, дети, но счастливей нас...»

О вы, давно почившие! Мир вам!
Все ваши горести близки теперь и нам,
И ныне, скорби час иль радости встречая.
Детей своих в дорогу провожая,
Как вы, мы говорим: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

1887

ПЕСНЯ ПАХАРЯ Перевод М. Павлова

Наши, мой плуг, – до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Тяни же, вол, пришел твой срок,
Паши, трудись, мой верный вол.
Эй, подхлестни кнутом, сынок,
Чтоб черный день от нас ушел!

Заимодавец вгонит в гроб,
И староста грозит избить,
Молебен отслужил нам поп,
Сказал, что мы должны платить.

Вчера за податью пришли,

А чем платить? Ведь я сам-друг...
 Что снять могу с клочка земли?
 Паши, паши, мой верный плуг!

Уходят силы день за днем.
 Здоров ли, нет, – трудись, как вол,
 А малолеток полон дом,
 И каждый голоден и гол...

Паши, мой плуг, – до темноты
 Должны мы пашню побороть,
 Паши, сворачивай пласты,
 Благослови тебя господь!

1887

«Блаженство обещала мне надежда...»
Перевод Н. Адамян

Блаженство обещала мне надежда.
 Но не нашел его я до сих пор,
 И, ободренный обещаньем тщетным,
 Вступил напрасно с трудной жизнью в спор

Казалось мне – ждут люди с нетерпением
 Прихода моего, ждут слов моих, идей.
 Что встречу я любовь и вдохновение,
 Что совесть, честь живут в сердцах людей.

Мгновенная мечта рассеялась так скоро,
 Подобно быстрому, пустому ветерку,
 И вот повержена, как челн, что, бросив море.
 Плыть захотел по зыбкому песку.

Да, ты пришел. Но правит этим светом.
 Как прежде, свой, незыблемый закон.
 Под маской лжи великий благодетель
 Оружьем тайным вновь вооружен.

Вот недугом смертельным пораженный,
 Плащом невинности и святости покрыт.
 Толпа приверженцев его неутомонно
 Делах позорным фимиам кадит.

Здесь тысячи невинных душ гонимы
 По воле необузданных страстей.
 Здесь, с разумом людским несовместимо,
 Прав навсегда сильнейший из людей.

Злорадствуя, ликуя, пресмыкаясь,
 Ватага жадная без сердца, без основ

Кишит, шумит, трибуны занимая
Как предводитель мыслей и умов.

Вот голоса́ и крики ликования,
Как эхо злобных, яростных речей,
Какое выразить хотят они желанье,
Бичи народа, горе всех людей?

Чего вы жаждете? Чтоб пал, погиб достойный?
Хотите лучшего нещадно растоптать?
Всё для того, чтоб свой кусок спокойно
Имели хлеба вы. Хотя, как знать,

Быть может, мрак возвел вас в сан высокий
Тиранов разума, губителей умов,
И мните вы в безумии глубоком,
Что обратили всех в своих рабов?

Несчастные! Смотрите – перед вами,
Не посягая, нет, на ваш кусок,
Дитя простое разума и знанья
Рассвета ждет. Желанный близок срок.

Блаженство обещала мне надежда,
Но пусть ко мне блаженство не придет,
Я не грущу. Одна мечта, как прежде.
Еще ведет меня всегда вперед.

Вперед, борясь! Я знаю – день настанет
И настоящее падет, как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

1889

УЖ НЕ ВЕРНУТЬ **Перевод Р. Ивнев**

То чувство выжжено дотла.
Которым ты пренебрегла.
Оно со вздохом улетело.
Теперь то место опустело

Уж не взывай, не плачь, мой друг, –
От слез твоих проснутся вдруг
Печальные воспоминанья,
Но поздно воскрешать желанья.

21 апреля 1890

«С горных высей стремится ручей...»

Перевод К. Бальмонт

С горных высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни он бьется,
И журчит, и ворчит, и смеется,
И звенит под сияньем лучей.

Сочетанию радостных звуков
Лес кругом слабый отзвук дает, —
Так старик еле внятно поет.
Слыша звонкое пение внуков.

Но безмолвствует вечный утес;
Наклонившись громадой угрюмой,
Он охвачен загадочной думой.
Он исполнен неведомых грез...

1890

ПЕРЕД КАРТИНОЙ ХУДОЖНИКА Г. БАШИНДЖАГЯНА³ «ДЗОРАГЕТ⁴ НОЧЬЮ»

Перевод Э. Александрова

Ущелье это в грозной красоте
Изобразил ты живо на холсте.
Поистине, душою исполин
Ты, охвативший мощь родных вершин.
Задумчиво застывших под луной,
И блеск реки, вскипающей волной.
И звездное сияние небес,
И сонный сумрак, скрывший всё окрест.
Гляжу — немым покоем ночь полна...
В моей душе такая ж тишина.

Но что это? В ущелье, одинок,
В глубокой мгле мерцает огонек, —
Там хижина стоит среди камней.
Ты знаешь ли, кто обитает в ней?
О нет, не знаешь ты! Когда б, на миг
Ты в душу заглянув к нему, постиг,
Какая буря затаилась там, —
Тогда б покоя не дал ты сердцам!

1890

³ Башинджагян Геворг (1857–1925) — живописец-пейзажист. Он же — автор очерков и рассказов.

⁴ Дзорагет — река в Армении.

СО ЗВЕЗДАМИ
 © Перевод В. Звягинцева

Звезды, звезды! Вы
 Очи синевы.
 Ярок средь ночей
 Светлый смех лучей.
 Под улыбкой звезд
 Я ребенком рос;
 Я скакал, резвясь,
 Как и вы, смеясь.
 Так же в вышине
 Светите вы мне
 В час, когда теперь
 Плачу от потерь.
 Над моей простой
 Гробовой плитой
 Так же с синевы
 Улыбнетесь вы.

1890

«Любуюсь бледных роз игрою...»
 © Перевод Р. Ивнев

Любуюсь бледных роз игрою,
 Что на щеках твоих зажглась,
 И меланхолией покоя
 Двух черных и глубоких глаз.

Глубинам сердца лишь известно
 О тайне той – любви моей,
 И никогда в стихе и песне
 Я миру не скажу о ней.

Но и хранить ее не властен,
 В себе носить ее нет сил,—
 Как не сказать об этом счастье,
 Не рассказать, как я любил!

18 марта 1892

НЕ ПРОСИ МЕНЯ
 © Перевод Н. Сидоренко

Не проси меня, не воспою
 Я печаль безмерную свою, —
 Отшатнется прочь твоя душа,
 Увидав до дна всю боль мою...

Милый друг, ты не проси меня, –
Не спою тебе про это я!

Раз в горах пропел я те слова –
И завяли розы и трава!
Голая пустыня там легла,
Вздохами иссушена, мертва...
И в горах, где серый пепел лег,
Уж теперь не расцветет цветок!

Ветерки и аромат земли,
Зори золотистые вдали
Мне нужны, – ведь песню для тебя
Я сплету из них, а ты внемли...
Только не поется! В сердце – ночь.
Пламень скорби гонит радость прочь.

1892

«Грусть свою я принес из родимой страны...»
© Перевод Н. Адамян

Грусть свою я принес из родимой страны,
Ею песни мои неизменно полны.
Ею лира моя и сегодня горда,
В ней одной обретаю я крылья всегда.
И никак вам понять и постичь не дано.
Что с любовью ту боль я встречаю давно...

И в часы ваших шумных пиров, за столом
Поднимая заздравную чашу с вином,
Я рыдаю, но слезы не льются из глаз,
Плачет сердце мое незаметно для вас,
Ну, а песня... Не слышите вы, как она
Стонет, скорби полна: «О, родная страна...»

<1893>

У СКЛЕПА Н. БАРАТАШВИЛИ⁵
© Перевод О. Румер

Утешься, Грузия! В заветный этот миг
Что омрачило так твой мужественный лик?
То, что безмолвный прах увидела ты вновь
Певца, снискавшего в душе твоей любовь?
Иль тьма глубокая могилы дорогой
Смутила тяжко дух осиротелый твой?

⁵ Бараташвили Николоз (1817–1845) – грузинский поэт-романтик.

Да, своего певца вновь похоронишь ты,
 Но им зажженные все чувства и мечты
 Гореть останутся, — для них кончины нет.
 Покуда над землей сияет солнца свет.
 И, верь мне, некогда в их пламени сгорит
 Всё бремя мук твоих и горестных обид.

Тебе же, родины-страдальцы певец.
 Обретший вечную могилу наконец,
 За всё, что вынес ты мятежною душой.
 Пусть небо ниспошлет заслуженный покой.

1893

ПЕРЕД КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКОГО (Экспромт)

© Перевод В. Брюсов

Восстав, в океане неистовость вод
 Тяжелыми всплесками бьет до высот.
 Под яростный рев строит призраки гор,
 И буря безбрежный, безгранный простор
 Одевает, как в дым,
 Дуновеньем своим.

«Ни с места!» — воскликнул — палитра в руках —
 Старик чародей, и взмутившийся прах
 Покорен, слышавши гения зов;
 И, в бурю, безмолвно громады валов
 Вот стоят, как во сне,
 На его полотне.

1893

ДВЕ ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

© Перевод И. Тхоржевский и А. Тхоржевская

С зеленого трона спокойной вершины,
 Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
 Гонимые бурен, по краю стремнины
 Две тучки печальные мчались вперед.

Но даже и буря, в порыве жестоком.
 Одну от другой оторвать не могла,
 Хоть злобой дышала и в небе широком
 Их, с места на место бросая, гнала.

И вместе, всё дальше, по темной лазури,
 Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,

Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

1894

«Если время придет и ты...»
Перевод Н. Адамян

Если время придет и ты
Этот холм посетишь, мой друг,
Хорошенько всмотришься в цветы,
Распустившиеся вокруг.

Не ветрами и не дождем
Семена их занесены,
И не щедрой рукой весны
Разукрашен мой новый дом.

То – неспетые песни, друг,
Что я в сердце с собой унес.
Славословья любви, что вслух,
Умирая, не произнес.

Поцелуй мои, что я
Шлю из горнего мира той,
Для которой в мои края
Путь закрыт гробовой плитой.

1894

НОЧЬ
© Перевод С. Мар

Ночь избавление дарит
От слез, мучений и тоски.
И горы изменили вид
И стали призрачно легки.

Все охватил глубокий сон,
Спят люди, звери. Тишина.
И, освещая небосклон,
Плывет торжественно луна.

И над Сипаном⁶ диск повис,
Мерцающая светлым серебром,
И он глядит безмолвно вниз
На грустный мир, объятый сном.

⁶ Сипан – гора на северо-западном берегу озера Ван.

Сереброкудрою струей
 Лучи прохладные текут
 И, распыляясь над землей,
 Дремоту сладкую несут.

Но край несчастный мой лишен
 Отдохновения и сна,
 И полон ужасами он:
 Скрывает муки тишина.

Кто будит сумрак гробовой.
 Не устает рыдать, стонать?
 Чей вопль мешается с мольбой?
 Увы, всего не рассказать!

Там путник занемог в пути,
 Прихода смерти в муках ждет;
 Отцу покоя не найти, —
 Он дочь умершую зовет.

И старца стон в тюрьме сырой,
 И стон страдальцы во мгле.
 И гибнет юноша-герой.
 Отдавший жизнь родной земле.

Ночь над Арменией темна,
 Вокруг необорима тень.
 Когда ж рассеется она
 И засияет новый день?

1895

СТРАННИКИ

© Перевод С. Городецкий

Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год —
 Два седых старика, ослабевших, недужных, —
 К дальней вечности путь свой держали вперед,
 В душевном раздумье, в беседах содружных

«Я взрастил благовонный, сияющий сад,—
 Первый вымолвил так, обращаясь к второму, —
 Животворный струили цветы аромат, —
 Все цветы расточил я по миру людскому».

И ответил второй: «Много чувств, много сил,
 Много было во мне вдохновенья святого.
 Как и ты, я всё отдал и всё расточил
 В песнопеньи любви, в светлой щедрости слова».

Первый снова сказал: «Но в долине людской
Я оставил и холод, и сумрак, как прежде». –
«Я оттуда ушел, – так ответил другой, –
И тоскуя душой и не веря надежде».

Первый громко сказал: «Вновь настанет расцвет,
И покроется снова долина цветами!»
Но другой ничего не промолвил в ответ.
И к дороге своей он поникнул глазами

Так вся прошлая жизнь, так и прошлый мой год –
Два седых старика, ослабевших, недужных, –
К близкой вечности путь свой держали вперед
В задушевном раздумьи, в беседах содружных.

1897

ДОЛГИЕ НОЧИ © Перевод Р. Ивнев

Бессонница томит меня в постели,
Лежу и тщетно жду прихода сна,
И мысли мрачные мной овладели,
И эта ночь особенно длинна.

Ах, были дни, еще совсем недавно,
Мир нежно, точно мать, меня ласкал,
Познал тогда я дни восторга явно
И мрак ночной меня не угнетал.

Любовь прошла, развеялись мечтанья.
Нет бодрости и силы прежних дней.
Настали дни глубокого страданья,
И ночи кажутся теперь длинней.

Бессонница теперь меня терзает,
В своей постели мучаюсь без сна.
Ночь бесконечна, всё не рассветает, –
Как долго, долго тянется она!

1897

ГРУСТНАЯ БЕСЕДА © Перевод Я. Кейхауз

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорбь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем.
Как с нею повстречался я.

«Скажи мне, скорбь, моя родня,
Товарищ неразлучный мой,
Из-за чего, с какого дня
И как связалась ты со мной?...»
И, вспоминая в тишине.
Она рассказывает мне:

«Давным-давно, коль хочешь знать,
Смотря на колыбель твою
И тихо плача, пела мать
Уныло „баюшки-баю“.
И в сердце детское твое
Вошла я с песенкой ее.

Ты был когда-то очень мал –
Не больше сына своего –
И с хилым сверстником играл.
Он сиротою был. Его
Все колотили, не любя.
С тех пор узнала я тебя.

Однажды, дверь загородив.
Хозяин должнику грозил.
Бедняк, отчаявшись, чуть жив,
У неба помощи просил:
„Спаси, о боже! Нет житья!“
С тех пор я спутница твоя.

Пришел раз человек с сумой,
Держа ребенка под тряпьем:
„Нас гонят прочь с земли родной.
Так пожалей, молю Христом!
Дай нам погреться у огня“.
С тех пор и знаешь ты меня.

Теперь уже не вспомню я,
Кто это был: твой верный друг.
Возлюбленная ли твоя,
Которой ты любим, – но вдруг
Надежда навсегда ушла.
С тех пор тебя я обрела.

Увянув от забот и дел,
Угасла милая, бледна...
Сквозь слезы долго ты глядел
На гроб любимой, но она
Навеки скрылась под землей.
С тех пор сдружилась я с тобой».

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорбь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем,

Как с нею повстречался я.
И долго речь ее течет,
И бедствиям потерян счет.

1898

«Прошла, о боже, дымом жизнь моя!..»
© Перевод Ю. Верховский

Прошла, о боже, дымом жизнь моя!
Иссохли кости – сжег их полдень жгучий.
Иссякло сердце. Пал, подкошен, я,
Свой путь забыл от скорби неминучей.

Мой хлеб – укор людей чужих;
Мой отдых – на путях изгнаний;
День полон злых вестей и криков злых;
Ночь до утра полна глухих рыданий.

Томился я, как филин средь руин.
Как воробей на крыше – одиноко.
О боже! Я бессилен, я один...
Ужели час спасения далеко?

1898

ПЕРЧУ ПРОШЯНУ⁷ – НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ
© Перевод А. Гатов

К сорокалетию его литературной деятельности

Земля армян, наш край родной,
Землею бедствий был века.
Сравнил бы их с Масис⁸-горой,
Горой, ушедшей в облака.

Писал в мучительной тоске
О ранах родины поэт⁹, –
И сорок лет с пером в руке
Всегда ты шел ему вослед.

⁷ *Прошян* Перч (1837–1907) – один из зачинателей армянской реалистической прозы. Первый его роман из армянской народной жизни «Сос и Вартитер» был опубликован в 1860 году.

⁸ *Масис* – армянское название горы Арарат.

⁹ *Писал в мучительной тоске О ранах родины поэт.* Имеется в виду Хачатур Абовян и его роман «Раны Армении».

К крестьянам ты входил как друг.
Ты знал их горестный удел,
О бедах хижин и лачуг
Поведать людям ты сумел.

Заслужен твой венец! И вот
Посланцы родины идут –
Тебя благодарит народ
За твой большой, священный труд.

Певец, твое бессмертье в нем.
Твой дар – могучий дар творца,
Который трепетным огнем
Воспламеняет нам сердца.

1899

«Ты почему меня забыл?..»

© Перевод Н. Адамян

«Ты почему меня забыл?» –
Я слышу девушки укор.
«Ты почему про нас забыл?» –
Пожаловались кручи гор.

Ах, вы не сетуйте, друзья,
Что я вас больше не пою.
Душою изменился я,
Боль истомила грудь мою.

«Мы исцеление найдем», –
Сказала девушка, любя.
Сказали горы: «Мы снесем
Твое страданье за тебя».

О нет, красавица, любви
Уж больше сердца не спасти.
Вам, горы милые мои,
Моих страданий не снести.

Ах, боль таю, но как мне быть,
Чтоб эту боль другой постиг?
Глубоко сердце – не открыть.
Глубоко сердце. Нем язык.

1900

РОПОТ

© Перевод Р. Ивнев

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

Я их похоронил. О, путь жестокий!
Я стал чужим в родной стране моей.
Иду, томясь, как путник одинокий,
Без крова, теплой ласки и друзей.

Те, кто вокруг, меня не понимают,
Им чужд язык мой, скорбь моя тяжка,
О лучшем дне они и не мечтают,
Им по нему неведома тоска.

Ничтожная толпа, тупое стадо,
Трусливые лжецы и торгаши,
От вашего всё увядает взгляда:
Улыбка, вера и полет души.

Так перед кем же сердце я открою,
Кому спою о горечи моей?
И для кого пожертвую собою?
Возможно ль жить на свете без друзей?

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

16 августа 1902

НАШИМ ПРЕДКАМ
© Перевод Н. Павлович

Певцы былые! Чуть блеснул рассвет,
Счастливые, вы песнь свою слагали,
Вы видели предел армянских бед,
Живой мечтой народ свой утешали.

О благородной родине своей
Вы пели, хоть она томила пленной,
Но радостью грядущих славных дней
Звенели ваши струны вдохновенно.

А вот сейчас растерзана страна
И с нею сердца нашего святыни.
Мечта – мираж. Рассеялась она
И не обманет больше нас в пустыне.

Чуть возмужав, мы головы клоним,

Увяли мы, умолкли в сердце звуки.
 Ни божества, ни песен не храним,
 И лиру выронили руки.

1902

В АРМЯНСКИХ ГОРАХ
 © Перевод Н. Сидоренко

Нелегко был путь, полночный наш путь...
 Но выжили мы
 Средь горя и тьмы:
 К вершинам идем, чтоб вольно вздохнуть
 В армянских горах,
 В суровых горах.

Сокровище мы издревле несем:
 Глубокой оно
 Душой рождено,
 Народной душой в пути вековом
 В армянских горах,
 В высоких горах.

Из светлых пустынь кидались на нас
 Орда за ордой;
 Разили бедой,
 Весь наш караван терзая не раз
 В армянских горах,
 В кровавых горах.

Ограблен, разбит был наш караван...
 Разрознен средь скал,
 Дорогу искал,
 Считая рубцы бесчисленных ран,
 В армянских горах,
 В печальных горах.

И наши глаза взирают с тоской
 На сумрак земли,
 На звезды вдали:
 О, скоро ли утро вспыхнет зарей
 В армянских горах,
 В зеленых горах?!

1902

«Я странник, сестра, простой пилигрим...»
 © Перевод М. Павлова

Я странник, сестра, простой пилигрим,

В неведомый край ищу я дорог;
 Оторван от жизни, судьбою гоним.
 Бреду одинок.
 Преследуют душу прошедшие дни,
 Не знаю покоя, хоть всеми забыт,
 Изранены ноги, устали они,
 И сердце болит.
 Но дальше бреду я, усталый, в пыли.
 Всё дальше от счастья бегу, что ни день.
 От отчего дома, родимой земли,
 Как дикий олень...
 Тебя повстречал я, и я не солгу,—
 Ты мне говоришь, что рассеялся мрак,
 Что счастье мне дашь, что напрасно бегу
 И жалеюсь так...
 Наивная! Небо свидетелем мне,
 Ужель я так низок, бесчестен, жесток.
 Чтоб в этой тюрьме, в этой мрачной стране.
 Счастливым быть мог!

1902

ПЕСНЯ АРМЯН
 © Перевод Л. Уманец

Идем, идем с далекого Востока,
 От синих гор, где дальний небосклон;
 Давно, давно идем мы издалека —
 Из тьмы веков, из сумрака времен...

Лилася кровь, как волны океана,
 Текла рекой из наших тяжких ран,
 Страдали мы от зноя, от тумана,
 Дышал в лицо угрюмый ураган...

Погибла ты, отчизна дорогая,
 И знамя всё истерзано в куски,—
 Покоя нет, и нет родного края,
 И бродим мы средь мрака и тоски...

Но мы идем, надеждою согреты,
 Идем вперед, гонимы роком злым,
 Святой огонь священного завета
 В своей груди упорно мы храним...

Идем, идем... Нам путь лежит далеко.
 Нас не страшат удары злой судьбы,
 Идем, идем с далекого Востока
 Мы, не боясь ни бури, ни борьбы.

1902

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

© Перевод В. Брюсов

Армянское горе – безбрежное море.
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный, глубокий покой...

Но дна не достигнет она в этом море
И берега вовек не найдет.
В армянских страданиях на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

1903

НАША КЛЯТВА

© Перевод М. Павлова

Мы поклялись стремиться к свету,
И нас с дороги не свернуть.
Туманом сумрачным одетый,
Безвестен наш далекий путь.

Мы шли, изранив грудь и ноги.
Сквозь ветры, пламя и клинки,
Но не свернули мы с дороги,
Мечам и бурям вопреки.

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли, –

Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горний свет.

1903

ТЯЖЕЛЫЙ ГОД (Народное)

© Перевод М. Павлова

Паши, мой плуг, пашня ждет,
 Тяжелый выпал нам год.
 Стоит пред старостой дед:
 «Плати налог, дармоед!»
 – «Нет денег, беден мой дом...»
 – «Тогда вола отберем!»
 – «Убей, мне жизнь не мила,
 Оставь для плуга вола, –
 Весной посеем, даст бог,
 Тогда отдадим налог...»

И снова весна пришла.
 Мы в плуг запрягли вола:
 Паши, мой плуг, чернозем,
 Пшеницу мы соберем.
 Налог отдадим тотчас,
 Останется вол у нас.

1908

ВЕРЕТЕНО (Народное)

© Перевод Т. Спендиарова

Ты вертись, веретено,
 Не ленись, веретено,
 Для сирот, веретено,
 Ты оплот, веретено.

Лунный свет в окно упал,
 На веретено упал.
 Ночь я целую пряду,
 Пряжу белую пряду.
 Я пряду сквозь слезы нить,
 Чтобы сырых прокормить.

Ты вертись, веретено,
 Не ленись, веретено,
 Для сирот, веретено,
 Ты оплот, веретено.

1908

ПЕРЕВАЛ

© Перевод Вяч. Иванов

С младенчества тропою вверх прямой
 Я неуклонно
 Иду на лоно

Святынь, – хоть их не знает разум мой.

С младенчества обрывистой тропой
По круче горной
Иду, упорный, –
И вот нашел на высотах покой.

Покинул я внизу, в глубокой мгле,
Почет, богатство,
Зависть, злорадство –
Всё, что гнетет свободный дух к земле.

И вижу я (прозрачна даль в горах)
С моей вершины –
На дне долины
Как просто всё и пусто! Душный прах!

Легка сума: в пути я не устал.
Песней и смехом
Играю с эхом –
И весело схожу за перевал.

1909

ТЫ МОЮ РОДИНУ ВИДЕЛ? СКАЖИ!¹⁰
(На стихотворение Ованеса Ованисяна)
© Перевод Т. Алибекова

Ты мою родину видел? Скажи!

Видел ли ты те холмы небольшие
В роскоши яркой весенних лучей,
Где расхищают свои и чужие,
Слез окровавленных льется ручей?

Видел ли ты, как, росой омыты.
Грезили, в гроздьях алмазных, сады;
Как озлоблённой толпой паразиты
Грабили тяжких усилий плоды?

Видел ли ты, как угрюмо нависли
Скалы над бешенством вспененных вод?
Не пробудили ль печальные мысли
Сломанный мост и разрушенный свод?

¹⁰ Отклик на раннее стихотворение Ованеса Ованисяна «Видел ли ты холмы, где пышно цветет вечная весна?..», в котором облик родины был обрисован в романтических тонах. Стихотворение Туманяна было направлено против тех, кто идеализировал жизнь народа, изображал ее в виде безмятежной идиллической картинке, кто не видел социальных противоречий действительности.

Видел ли ты в одиноких селеньях
Грязь, нищету – результаты оков?
Видел ли дикие распри, гоненья,
Суд беспощадный старшин и попов?

Видел ли клад, под лохмотьями скрытый?
Юга цветущего жалкую дочь?
Губы печатью молчанья покрыты,
В сердце измученном вечная ночь?

Ты мою родину видел? Скажи!

1910

ЗОВ ВЕСНЫ © Перевод К. Арсенева

Зеленой весны
Наступила пора.
Ты видишь, мой друг,
Зацветает гора.
Взберемся на гребень вершины с тобой, –
Там солнце и неба простор голубой!

Весна расцветает,
Долина пестра.
Мой друг, пробудись, –
Ожидает гора.
О, сколько на склонах цветов расцвело!
И ветром дыхание их донесло...

И птицы весну
Выкликают с утра.
Пойдем, милый друг, –
Зеленеет гора.
Поднявшись на солнечную крутизну,
Мы с птицами вместе прославим весну!..

<1911>

«С пеньем пришел...»¹¹ © Перевод Т. Спендиарова

С пеньем пришел,
Тенью ушел Саят Нова.
Любя пришел,

¹¹ Восьмистишие посвящено трагической судьбе известного армянского народного певца – поэта XVIII века *Саят-Нова* (1712–1795).

Скорбя ушел Саят Нова.
 С лучом пришел,
 С мечом ушел Саят Нова.
 И всё ж нашел
 Любви слова Саят Нова.

<1913>

«На странствия нас судьба обрекла...»
© Перевод Т. Спендиарова

На странствия нас судьба обрекла,
 Лишила навек родного угла.
 По миру скитальцами мы брели,
 Прошли все моря, все страны земли.

И всё же, свидетель тому весь свет,
 Не сломлен наш дух годами бед,
 Живет он везде, куда б ни проник
 И где б ни звучал армянский язык.

И наше потомство из рода в род
 С горячей надеждой идет вперед.
 И наши напевы еще гремят,
 Развалины наши еще дымят...

И снова встает из праха руин
 Могучий народ, народ-исполин.
 Печатью страданий мечены лбы,
 Во взглядах – тайна большой судьбы.

О древний Масис, родной Алагез¹²,
 Двуглавый гигант, двугорбый колосс,
 И вы, чьих мыслей орлиный взлет
 Царит над вечным снегом высот, –

Месроп и Саак¹³, а с вами все те,
 Что не дали нам блуждать в темноте,
 Открыли родник умов и сердец,
 Ваш лоб венчает алмазный венец!

Пока существуют подобные вам,
 Внимая призыва горячим словам,
 Всё вверх, всё вперед неуклонно пойдем,
 Как ни был бы крут и тяжёл подъем

¹² *Алагез* или *Арагац*, – гора в Армении.

¹³ *Месроп* Маштоц (361–440) и *Саак* Партев (389–438) – основатели армянской письменности. В начале V века ими был изобретен армянский алфавит.

И праздник настанет, награда близка.
И мир узнает, что сквозь века
В писаньях и в песнях из рода в род
Свой светоч пронес армянский народ.

1913

С ВЫСОТЫ

© Перевод П. Железнов

Из тех великих и бессмертных дум,
Что создает в союзе с сердцем ум,
Из тех глубин душа взвилась в эфир,
Чтоб с высоты взглянуть на божий мир.

И вот моей души струится свет
Там, где ни лжи, ни сплетен, ни клевет,
Где нет в помине ни теней, ни туч.
Где никогда не меркнет солнца луч.

Высокое сродни душе моей.
Без злобы, без печалей, без страстей
Душа, сияя, в небесах парит,
С надзвездной высоты на мир глядит.

Огромен мир, широк – но всюду он
На части рубежами разделен,
Что ни страна – то свой суровый бог
И сонм святых, пристрастен и жесток.

И видно с высоты моей душе:
Мир утонул в нужде и грабеже.
И злобный бог мученья людям шлет,
И жизнь везде – страданье, тяжкий гнет.

И в целом мире нет страны такой,
Где б труд царил и творческий покой,
И где могла бы человека грудь
Любви чудесным воздухом вздохнуть...

Душа моя смущенно смотрит вниз:
Нет сердцу ни пределов, ни границ –
Всегда любовь находит в нем приют,
Всегда все чувства песню в нем поют.

С моих высот я нисхожу душой,
Чтоб в светлых думах обрести покой.
Опять она в мою вернулась грудь.
Чтоб чистым воздухом любви вздохнуть.

1915

ЭКСПРОМТ
© Перевод М. Павлова

Итак, признаюсь вам, друзья,
 С моею музой в ссоре я,
 Теперь по собственной вине
 Писать экспромты трудно мне.

Да, да, почтенные друзья,
 Давно в разлуке с музой я.
 Теперь я выезжаю в свет,
 Тут заседание, там обед,
 Уж я политик, тамада,
 А муза скрылась без следа...
 Мне говорили, что она
 Теперь в горах живет одна,
 Что часто плачет в тишине,
 Что не забыла обо мне...

Но кровью залиты пути,
 И трудно ей назад прийти.
 Когда б не груды мертвецов, –
 Благоухание цветов
 Живило б мирные поля!..
 Когда вздохнет моя земля,
 Когда, отчизны вольный сын,
 Запросит песен армянин,
 Она придет – и тут, друзья,
 С экспромтом не замедлю я!

1915

С ОТЧИЗНОЙ
© Перевод М. Павлова

Я с юности направил взор в неведомый простор,
 Мой ум и сердце всё парят над бездной с давних пор;
 Но каждый раз, родимый край, тоска мне душит грудь,
 Когда я оглянусь на твой многострадальный путь,
 На молчаливые ряды изгнанников-сынов,
 На горе разоренных сел, сожженных городов,
 О, милый мой край,
 Унылый мой край!
 Я вижу; топчет лютый враг тебя, моя земля,
 Твое прекрасное лицо, цветущие поля;
 Я слышу стоны городов и разоренных сел
 И крики тех, кто нам принес кровавый произвол,
 Кто превратил в долину слез родимые края,

И в песнях жалобных твоих осталась боль твоя.
 О, горный мой край,
 О, скорбный мой край!
 Ты вся изранена, земля, и всё же ты жива,
 Стоишь готовая сказать заветные слова.
 И веришь ты, что на твоём таинственном пути
 Тебе сама судьба, сам бог поможет их найти.
 Мы ждем великих слов твоих, мы напрягаем слух,
 Ты станешь той страной, куда стремится вольный дух.
 Священный мой край,
 Бесценный мой край!
 И верим мы – взойдет заря, настанет тьме конец,
 И воссияет яркий свет ликующих сердец,
 Блеснут вершины гор твоих, и, выглянув из туч,
 Впервые старый Арарат улыбкой встретит луч!
 И воспоем твою судьбу словами новых лет
 Не осквернивший уст своих проклятьями поэт,
 Грядущий мой край,
 Встающий мой край!

1915

«Ты явился к нам из страны снегов...»
© Перевод А. Старостин

Валерию Брюсову

Ты явился к нам из страны снегов
 Вестником любви, правды, красоты.
 В жаждущих сердцах пробудились вновь
 О счастливых днях светлые мечты.

Пусть же зов летит из страны в страну
 Тех, кто будит ум и сердца людей,
 И свои мечты пусть сольют в одно
 Люди разных стран в эти дни скорбей.

Пусть сердца любовь верная скрепит.
 Пусть союз их ввек будет нерушим,
 И дыханье их пусть одно живит,
 И сердца горят пламенем святым.

Об одном пусть спор будет у людей
 И одно всегда им волнует грудь:
 В чьей душе любовь крепче и светлей,
 Кто к добру верней пролагает путь.

Пусть, поэт, мечты оживут твои,
 Если правда то, а не звук пустой,
 Что на свете есть место для любви,
 Что мы можем жить все одной семьей.

<1916>

ГРУЗИИ
 © Перевод О. Румер

Когда мне люди говорят,
 Что злобой Грузия кипит,—
 Я, изумлением объят,
 Испытываю боль и стыд.

Неправда! Даже враг, и тот
 Признает, что на белый свет
 Тепло глядит ее народ,
 Что хлебосольней края нет.

Она покрыта сотней ран
 И претерпела сотни мук,
 Но ни убийство, ни обман
 Ее не оскверняли рук.

Не в преступлений мглу и муть,
 А к блеску зорь грядущих дней
 Она указывает путь
 Рукой приветливой своей.

Кому не ясно, что ведет
 Ее всё выше твердый шаг?
 Кто может утверждать, что вот —
 Ее окутал смертный мрак?

Недаром перед ней стеной
 Казбек возносится в лазурь,
 Чтоб охранять ее от злой
 Напасти полуночных бурь.

Недаром Понт к ее садам
 Свое дыхание струит,
 Чтоб каждый куст был вечно там
 Цветами свежими покрыт.

И кто же не слышал из нас,
 Как всюду в Грузии народ,
 Над бедами судьбы смеясь,
 Беспечно, весело поет?

Когда мне злобно говорят:
 «Над бездной Грузия стоит»,—
 Я, изумлением объят,
 Испытываю боль и стыд.

<1916>

«Резвился в Кошакаре я...»

© Перевод Л. Горнунг

Резвился в Кошакаре¹⁴ я,
 С косулей бегая, Ануш,
 На изумрудный склон взойдя,
 Увидел дивный сон, Ануш.

Ту гору ветер тучей скрыл,
 Свет солнца моего затмил,
 И к богу я воззвал, но был
 К моим словам он глух, Ануш.

Моя мечта была светла:
 Чтоб жизнь вокруг, как рай, цвела,
 Чтоб вечно длиться песнь могла
 И светел был весь мир, Ануш.

Но быстро рвется жизни нить,
 Кто умер – тех не возвратить,
 Уйду и я, – недолго жить.
 Как быстротечна жизнь, Ануш!

Ноябрь 1917

КАК ДИТЯ

© Перевод Л. Горнунг

Как дитя, придя в этот мир, я был
 Послушным всему, наивным, простым, –
 Что в руках держал, что в сердце таил,
 Роздал людям всё, холодным и злым.

Лишь ребенком был я всегда для всех,
 Обмануть меня каждый мог шутя.
 И косились все на детский мой смех,
 И обиды я терпел, как дитя.

Обращались все так грубо со мной –
 И брат, и жена, и ближний, и друг,
 И, сердцем скорбя, с глубокой тоской,
 Как ребенок, всех я оставил вдруг.

И усталым стал, и бездомным стал,
 А бездомным став, томясь и скорбя,

¹⁴ Кошакар – гора в Лори.

К вам иду теперь, – я от всех бежал, –
Вы тоже, увы, младенцы, как я!

1917

МОЯ ПЕСНЯ
© Перевод Р. Ивнев

Владею я бездонным кладом
И морем радостей и чар,
И, точно высшую награду,
Я получил прекрасный дар.

Сокровищ бесконечных бездна
В просторе сердца моего,
Их раздаю я безвозмездно,
Но нескончаемо добро.

Я не боюсь, не опасаюсь
Злодеев низких и воров,
Иду по свету, рассыпая,
Как солнце, блеск своих даров.

Богат я, счастлив с дня рожденья,
Вновь не вернусь я в этот мир,
И отдаю без сожаленья
Всё, чем меня он наградил.

5 января 1918

НАДПИСЬ НА КНИГЕ¹⁵
© Перевод С. Городецкий

С дальних северных сторон,
Где бушует вьюги стон,
Вы примчались, нимфа, к нам,
В наш беспечный, светлый рай,
В наш могучий, тихий край,
К нашим солнечным лучам.

Но других стихий разгул
Здесь вас встретил. Обманул
Вас приветливый наш юг:
В час недобрый, грозовой
Тучи черные толпой
Собираются вокруг.

¹⁵ Посвящено жене поэта С. М. Городецкого.

И у нас теперь – увывы! –
 Не найдете солнца вы,
 Ни весны, ни тишины,
 Ни такого уголка,
 Где б вам жизнь была легка,
 Дни уютны и ясны.

Есть один лишь уголок,
 Где нет бури и тревог, –
 В наших он сердцах. И там
 Вы могли бы отдохнуть:
 Ведь извилистый к ним путь
 Хорошо известен вам.

Сердце – лучший наш дворец.
 Наших солнечных сердец
 Гостьей будьте вы сейчас!
 Ведь на всем земном пути
 Вам приюта не найти.
 Где бы так любили вас!

29 июня 1918

ПОСТИЖЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ © Перевод Л. Горнунг

Ты раскрыл мне взор, он стремится ввысь,
 К солнцу в горный рай я мечтой лечу,
 Ты мне разум дал, рвется в небо мысль,
 Твой безмерный мир я смерить хочу.

Ты меня привлек к своей вышине
 И моей душе ты дал торжество,
 Озарил лицо ты улыбкой мне,
 Блеском солнца ты нарядил его.

Всё дело твое, весь мир мне знаком.
 Я взором души и зорких очей
 Взираю на них и солнечным днем,
 И сквозь жуткий мрак роскошных ночей.

И весел мой дух, он высью влеком,
 Нет ему преград, границ и дорог,
 Вселенная вся – мой родимый дом,
 Где свободный я, равнодушный бог.

<1919>

ПОЭТАМ ГРУЗИИ © Перевод М. Шагинян

Шота!¹⁶ Огонь твоих стихов
 Поныне не потух!
 Неукротимый гнет веков
 Не сокрушил тот дух.

Та лира славная гремит
 Под новою рукой,
 И новых песен звон разлит
 По Грузии родной.

О мужественные друзья,
 Вам всем поклон и честь!
 Несу от Арарата я
 Вам братской песни весть!

Над рубежом былых годин –
 Заря грядущих дней!
 Споем же вместе, как один,
 Гимн ликования ей!

Да будет песня та светла,
 Пускай гремит вдали –
 Да заглушает голос зла
 Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
 На голос наших лир
 Справлять сойдутся с вышины
 Многоязычный пир!

Эй, брат и друг, сестра и мать
 И с нами кяманча¹⁷,
 Сзывайте всех – и стар и млад –
 Тот новый день встречать!

Да, много, много слез текло, –
 Будь каждая урок,
 Что на земле отныне зло
 Уж не найдет дорог!

Что ноешь, умник, заносясь?
 Мечте не в небе цвести!
 Мы люди, мы живем, для нас
 Жизнь – это то, что есть.

Под лиру славного Шота

¹⁶ *Шота* – Шота Руставели, грузинский поэт XII века, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

¹⁷ *Кяманча* – струнный, смычковый народный инструмент.

Мы песнь свою споем,
И всем понятна песня та –
Достойным воздаем.

Гремит напевами страна,
Предела песням нет;
Тех песен тысяча одна –
И в них его завет!

Привет вам, новые друзья,
Былым поклон и честь.
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

1919

Стихотворения для детей

УТРО

© Перевод Л. Горнунг

Петух три раза прокричал:
«Пора, проснись, кукареку!
Восток багряный запылал, –
Лежать не время на боку!»

Уж темноты полночной нет,
Она сокрылась в край иной,
А землю заливают свет,
Приветный, чистый, золотой.

И шум, и радость в деревнях
С благоуханным встали днем,
И песнь крестьянина в полях
Сливается с его трудом.

<1907>

НА РАССВЕТЕ (Народное)

© Перевод Л. Горнунг

«Кукареку!» –
Петух проснулся на шесте.
«Чик-чик, чирик!» –
Запела птичка в темноте.

«Кукареку!» –
С рассветом вновь поет петух.

«Но-но, но-но!» –
Погнал овец в луга пастух.

«Кукареку!» –
При солнце в третий раз поет.
«Ох-ох, ох-ох!» –
С постели бабушка встает.

<1907>

РУЧЕЙ

© Перевод Л. Горнунг

«Куда бежишь,
Скорей, скорей?
Проворен ты,
Красив, ручей.
Побудь со мной
В тени ветвей!»

– «Нет, милый мой, –
Зовут дела.
Вон мельница
Вблизи села:
Моя вода
Ей жизнь дала.

А вниз взгляни,
В долину ты –
Там ждут меня
Трава, цветы.
Там жаждут пить
Стада, гурты.

Прощай пока,
Мой дорогой,
Ты видишь, путь
В заботах мой,
Лишь в море я
Найду покой».

<1908>

УТРО ВЕСНЫ

(Народное)

© Перевод М. Павлова

Рассветные колокола
Поют вдали светло-светло,
Заря над миром расцвела,

Блестят лучи светло-светло.

В долине радостный ручей
Поет, журчит светло-светло,
Гуляет ветер средь полей,
Трава блестит светло-светло.

Летят по небу журавли,
Курлычут так светло-светло,
И перепелочка вдали
Поет во ржи светло-светло.

Выходят девушки в поля,
Блестит их взгляд светло-светло,
Вдыхает вешняя земля
Трав аромат светло-светло.

<1909>

Четверостишия

«Дни прошли...»
© Перевод О. Румер

Дни прошли...
Промелькнув вдали, дни прошли;
Вздохи, стоны, слезы мои
Сердце мне сожгли, – дни прошли.

1890

«Запели песнь, любимые...»
© Перевод Б. Серебряков

Запели песнь, любимые
Певцы мои незримые,
И кто теперь вас слушает,
Сверчки мои родимые?

Июнь 1916

«Где вы?..»
© Перевод К. Липскеров

Где вы?
Все те, кто сердцу мил, где вы?
Я к вам взывал, и плакал, и искал...
Быть может, скрыл вас мрак могил, – где вы?

Июнь 1915

«Меж двумя веками я...»

© Перевод К. Липскеров

Меж двумя веками я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днем
И былыми днями я.

15 января 1917

«Море скорби моей глубоко и безбрежно...»

© Перевод К. Липскеров

Море скорби моей глубоко и безбрежно,
И несметных полно драгоценных камней.
Гнев мой полон любви, безмятежной и нежной.
Ночь во мне. Но какие созвездия в ней!

9 февраля 1917

«Ко мне!..»

© Перевод К. Липскеров

Ко мне!
Вы с вешней водою вернитесь ко мне!
Минувшие дни, веселье, любовь,
Вернитесь, вернитесь ко мне!

11 ноября 1917

«Что напрасно мне бежать!..»

© Перевод К. Липскеров

Что напрасно мне бежать!
Сотен уз не разорвать.
Ведь со всеми я живу,
И со всеми мне страдать.

12 ноября 1917

«Сколько боли видел я...»

© Перевод К. Липскеров

Сколько боли видел я,

Сколько козней видел я!
Я терпел, прощал, любил,
Зло как благо видел я.

24 декабря 1917

«Я от многого сгорал...»
© Перевод О. Румер

Я от многого сгорал,
Я сгорал, огнем я стал,
Стал огнем и свет давал,
Свет давая, угасал.

24 декабря 1917

«Мне во сне одной овцой...»
© Перевод К. Липскеров

Мне во сне одной овцой
Задан был вопрос такой:
«Бог храни твоё дитя!
Был ли вкусен агнец мой?»

24 декабря 1917

«Куда ты стремишься безумно, душа?...»
© Перевод К. Липскеров

Куда ты стремишься безумно, душа?
За тысячу дел ты стремишься, душа!
Но как же успею я в тысячу мест
С твоею поспешностью легкой, душа?

25 января 1918

«Я птицу в небе ранил раз...»
© Перевод О. Румер

Я птицу в небе ранил раз
И потерял ее из глаз;
Крылом кровавым в снах моих
Она все машет и сейчас.

2 февраля 1918

«Две могилы, как соседи молчаливые, легли...»
© Перевод С. Городецкий

Две могилы, как соседи молчаливые, легли,
 Онемевшие навеки, две печальницы земли.
 И в холодной, горькой скорби тихо думают о том,
 Что с собой они из жизни этой бренной унесли.

4 февраля 1918

«Там на эдемские сады прозрачный падает закат...»

© Перевод К. Липскеров

Там на эдемские сады прозрачный падает закат.
 Я знаю, ждут моей души там между сказочных палат.
 Что ж в этом смраде медлю я, чего в нестройном шуме жду?
 Ах, если бы туда – домой – дорогу отыскал мой взгляд!

21 ноября 1919

«Кичливый, жадный человек, твой долгоденствие, жизнь коротка...»

© Перевод К. Липскеров

Кичливый, жадный человек, твой долгоденствие, жизнь коротка.
 Тебе подобных было – тьма, они текли века, века.
 Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли что-нибудь?
 Ты мирно, радостно пройди двухдневный быстролетный путь.

Ноябрь 1919

«Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он...»

© Перевод К. Липскеров

Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он.
 Но мучает и страждет он, и сам несчастьем поражен.
 Так сделай, злобный человек, чтоб все живые жить могли,
 И сам живи, вкушая мир обильной, благостной земли.

Ноябрь 1919

«Хотел быть с тобою и с жизнью священной вместе...»

© Перевод С. Мар

Хотел быть с тобою и с жизнью священной вместе.
 Хотел бы я в поле быть и с высью нетленною вместе.
 Кто даст мне блаженство утратить себя без возврата
 И слиться навеки со всею вселенною вместе?

12 мая 1920

«Лунный луч – твоя улыбка – на лице моем скользит...»

© Перевод С. Городецкий

Лунный луч – твоя улыбка – на лице моем скользит
В час, когда я, насмерть ранен, вижу смерти лик вблизи.
Так под солнца животворным, благотельным лучом
Дуб стоит, грозой сраженный, высыхая с каждым днем.

1920

«Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем...»

© Перевод К. Липскеров

Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем.
Призыв его слышу и голос: он слышен во всем.
И я возвышаюсь, внимая, и ловит мой дух
Мелодию мира и шепот, – он слышен во всем.

14 февраля 1921

«Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой...»

© Перевод О. Румер

Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой,
Ревущей в ужасе толпой, истерзанной, тысячеглавой,
Из мертвых ледяных пустынь своей безвыходной тоски
Сюда, на мой родной Восток, божественный и величавый.

1 мая 1921

«Плывут века, жизнь коротка, что будет позже – всё равно!..»

© Перевод С. Мар

Плывут века, жизнь коротка, что будет позже – всё равно!
Я был, и есть, и буду я, но это тоже – всё равно!
Переменю я сотни форм, всё преходяще на земле,
Я со вселенной слит душой, пусть я прохожий – всё равно!

3 мая 1921

«В стране армян, как великан, стоит Масис могучий...»

© Перевод О. Румер

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там, на круче.
С тех дней, когда меж «нет» и «да» была темна граница,

Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

21 мая 1921

«Родник течет и протечет...»

© Перевод К. Липскеров

Родник течет и протечет,
Помедлит жаждущий, пройдет.
Блаженных, неземных ключей
Поэт возжаждет и пройдет.

9 июня 1922

«Немало развалин былого в сердце моем...»

© Перевод К. Липскеров

Немало развалин былого в сердце моем,
Мрачнеет прошедшее благо в сердце моем,
Не в силах я вспомнить в печальный, сумрачный час,
Гостило ль отрадное время в сердце моем...

12 июля 1922

«Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!...»

© Перевод Т. Спендиарова

Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!
Уйдет и это вдруг, подыдем чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире.
Спеши, нам недосуг, подыдем чару!

14 августа 1922

Легенды и сказки

ПЕС И КОТ

(Сказка)

© Перевод С. Маршак

1

Скорняжным
Теплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.

Мурлыча песню,
За столом
Сидел
Скорняк усатый.
Как вдруг
К нему
Явился пес
И шкурку
Мягкую
Принес.

2

«Здорово, кот! –
Промолвил пес,
Протягивая лапку, –
Трещит
На улице мороз,
Скорее
Шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.
Ну что ж,
Сошьёшь?» –
«Изволь, сошью!»

3

«А долго ль ждать?» –
«В денек-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапкою в субботу!
Папаху шить –
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!»

4

«Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться

Стыдно.
Папаху шить –
Не шубу шить.
С деньгами можно
Не спешить».

5

В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос.
«Ну что,
Готова шапка?» –
«Нет», – говорят
Ему в ответ.
«А где хозяин?» –
«Дома нет!»

6

Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идет
В богатой
Новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
«Зачем торопишься,
Чудак?
С таким шитьем
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить –
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра,
Теперь кроить ее пора!»

7

«Мне очень жаль, –
Ответил пес, –
Что шапка не готова.

Но не сердись
 На мой вопрос:
 Когда явиться
 Снова?
 Не в гости
 Я хожу
 В твой дом,
 А за своим
 Хожу
 Добром!»

8

«Ну, так и быть, –
 Бормочет кот, –
 Приди к обеду
 В среду!»
 Среда настала.
 Пес идет
 За шапкою
 К соседу.
 «Как поживаешь?» –
 «Жив-здоров!» –
 «Готов заказ?» –
 «Нет, не готов!»
 Тут вышел крупный разговор,
 Потом и потасовка.
 «Ты, братец, плут!» –
 «Ты, братец, вор,
 Жена твоя плутовка!» –
 «Щенок!» –
 «Урод!» –
 «Молокосос!» –
 «Паршивый кот!» –
 «Плешивый пес!»

9

Доходит дело
 До суда.
 Узнав
 Про эту драку.
 Судья сказал:
 «Позвать сюда
 И кошку, и собаку!»
 Лукавый кот
 И бедный пес
 Вдвоем явились
 На допрос.

10

Кто их судил,
 Когда и как —
 Отдельно
 Или вместе, —
 Я не скажу.
 Но кот-скорняк
 С тех пор пропал
 Без вести.
 Бежал он,
 Хвост подняв трубой,
 И все меха
 Унес с собой!

11

А так как
 Этот кот-скорняк
 Всем нашим кошкам
 Прадед, —
 Семейства кошек
 И собак
 Между собой
 Не ладят.
 Кота увидев,
 Честный пес
 Рычит
 И громко лает,
 Как будто
 Каверзный вопрос
 Задать ему желает:
 «Готова шапка
 Или нет?»
 А кот
 Шипит ему в ответ.
 При этом кот
 Плюется так
 В смущеньи
 Или в страхе,
 Как это делал
 Кот-скорняк,
 Когда кроил папахи.

1886

АХТАМАР
(Легенда)

© Перевод К. Бальмонт

Каждой ночью к водам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами.
Что маяк далекий шлет.

Вкруг поток, шипя, крутится.
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, волны, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк.

Каждой ночью искры света
Манят лаской тайных чар;
Каждой ночью, тьмой одета.
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной,
А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожидания...
Ближе, ближе... вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья,
Сладких таинств райский сон!

Тихо. Только волны плещут,
Только полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается

Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра – снова ожиданья,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной, –
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар,
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: «Ах, Тамар!»

Звуки плача, звуки смеха...
Волны ластятся к скале,
И, как гаснущее эхо,
«Ах, Тамар!» звучит во мгле.

На рассвете встали волны
И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный
«Ах, Тамар!» меж мертвых губ.

С той поры минули годы.
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется «Ахтамар».

1891

ПРОКЛЯТАЯ НЕВЕСТКА © Перевод А. Гатов

Невестки доля тяжела.
А эта уж такой была –

Она не только не всплакнет,
 Но даже глазом не моргнет,
 Пусть обижают вновь и вновь
 Ее и свекор и свекровь.
 Но раз, беспечно-весела,
 Свободно косы расплела
 И, в комнате своей одна,
 Запела песенку она:

«Мой дом – тюрьма,
 Печаль и тьма,
 И я навек в плену.
 Каким нарядом ни мани,
 Что светлой молодости дни,
 Когда я жизнь клянусь?
 Ах, птичкой стать,
 Порхать, летать
 С любимым средь ветвей!
 Дыша весной,
 В тиши лесной
 Как петь отрадно ей.
 Рожденья день –
 Проклятый день,
 Печален он для нас.
 Мой грустен сон,
 И в сердце – стон,
 И смех навек угас».

И вдруг старуха в дверь вошла.
 Певунья в страхе замерла
 И, ни жива и ни мертва,
 Свекрови слушает слова:

«Удодом стань,
 Невестка-дрянь!
 Закрой поганый рот!
 Ишь, весела!
 Платок сняла,
 Бесстыдная, орет!
 Пусть немота
 Скует уста,
 Засохни, облысей!..»
 Сказала, – что ж,
 Стал облик схож:
 Невестка перед ней
 Стоит, страшна – лицо черно,
 На плечи – гребешок,
 И вдруг, взлетев, она в окно
 Умчалась на восток.

Вот всё. Спустилась ночи мгла.
 Домой бедняжка не пришла –

Удодом стала. Взад-вперед,
 С торчащим гребешком,
 В полях блуждает, не поет,
 Не просит ни о чем.
 Вся в пестрых перышках она,
 Нема, растерянна, грустна.

Но если вдруг припомнит дом,
 Где некогда жила,
 Час, как запела пред окном
 И косы расплела,
 И тот, ее сгубивший миг,
 Когда вошла свекровь, –
 Она взлетает, стынет кровь,
 И раздается крик...
 Она дрожит, ее трясет,
 Она кричит: «Уд-од... Уд-од!...»

1898

ОРЕЛ И ДУБ © Перевод В. Звягинцева

Однажды в лесу дремучем, глухом
 Пospорил царь-дуб с могучим орлом,
 Кто дольше из них сумеет прожить,
 Чья крепче к земле привязана нить.
 Орел молвил: я, и дуб молвил; я,
 У каждого спесь и гордость своя.
 Расхваставшись так, затеяли спор,
 И вот, наконец, каков уговор:
 Пусть минет пятьсот – не меньше – годов.
 И если царь птиц и дуб из дубов
 В назначенный срок еще не умрут,
 Друг с другом они пусть встретятся тут.
 Крыльями взмахнул орел широко,
 Оставил он лес, взлетел высоко.
 И жил он, могуч,
 На кручах, средь туч.
 А дуб расстелил извивы корней,
 И так он стоял всех выше, сильнее.
 Так сотни веков недвижим он был...
 Промчались века. И срок наступил.
 И старый орел, понурый, больной.
 Едва ковылял по чаще лесной
 С одышкой в груди и хрипло крича,
 И крылья свои едва волоча.
 Добрался орел... Вокруг он глядит
 И видит, что дуб упал и лежит.
 И зелень еще свежа на ветвях...
 Он страшной грозой повержен во прах.

– Эге, погляди, заносчивый дуб!
 Сравни-ка теперь, кто времени люб.
 До срока еще остался нам час,
 А ты, великан, лежишь развалясь!
 – Полтысячи лет я стоя провел,
 И, лежа, пятьсот мой выживет ствол.
 Срок в тысячу лет судьбою мне дан, –
 Орлу отвечал упавший титан.

1898

ПОГОС И ПЕТРОС
(Легенда)
 © Перевод Вяч. Иванов

Прежде был ближе к земле небосвод,
 И доносились молитвы сирот
 Легче до бога. В тот век золотой
 Жили два брата при мачехе злой.
 «Что ненасытный разинули рот,
 Два дармоеда? Еда не уйдет,
 Живо за дело! Пяти лет Погос,
 Парень не малый, шести лет Петрос!
 Прутья возьмите, пасите телят!» –
 Из дому гонит хозяйка ребят.

Мечется стадо, мычит от жары,
 Вроссыпь телята пустились с горы.
 Дети вдогонку, – а как их настичь?
 Слышится звонкий в лесу переклич:

«Погос, поймал?» – «Нет!» –
 «Петрос, загнал?» – «Нет!» –
 «Ау, сюда!» –
 «Ау, куда?» –
 «Горе, беда!...»

Скрылись телята, и след их простыл.
 Выбились братья-подпаски из сил,
 С плачем вернулись: «Нет, мамка, телят!» –
 «Что вас, проклятых, самих не съедят
 Лешие, звери? Медведь бы задрал,
 Иль задавил бы в ущелье обвал, –
 Сгинули б оба, не видела б вас!
 Пропада нет вам, шипы моих глаз!
 Вон! И покуда скотины шальной
 Мне не найдется в трущобе лесной,
 Глаз не кажите! Иль в эту же ночь
 Вас я пристукну, постылые... Прочь!»

Голод забыли Погос и Петрос,

Рыщут, с утеса бегут на утес;
Их не пугает ни чаща, ни дичь.
В дебрях глубоких звенит переклич:

«Погос, поймал?» – «Нет!» –
«Петрос, загнал?» – «Нет!» –
«Ау, сюда!» –
«Ау, куда?» –
«Горе, беда!..»

Нет окаянных телят! А уж ночь
Скоро настанет, и бегать невмочь.

Сумрачны сени
Лиственной сети
Став на колени,
Молятся дети,
Гóспода просят:
«Боженька милый!
Что тебе стоит?
Пусть твоей силой
Крылья нас несут,
Небо покоит,
Пташек укроет,

Чтоб не постиг нас злой мачехи гнев
Ночью, покуда пустует наш хлев!»
Только невинный их зов прозвучал,
Ласковый голос с небес отвечал:
«Птичками будьте! Доколе на двор
Скот не вернется, вам в небе простор.
На ночь дубрава, тиха и глуха,
Ложь постелет из мягкого мха.

Замкнут от сырых родительский дом, –
Будут им яства на пире моем».
Молвил всевышний – и в пташек лесных
Вдруг обернулись два братца родных.

Подняли крылья
Ввысь без усилия
Малых сирот;
В синей пустыне
Волен их лет.
Так и доныне
Птичками вьются
Горного луга,
Плачут, смеются,
Скачут, щебечут,
Кличут друг друга:
«Погос, поймал?!» – «Нет!» –
«Петрос, загнал?» – «Нет!» –

«Ау, сюда!» –
 «Ау, куда?» –
 «Горе, беда!...»

1898

ПАРВАНА¹⁸
 © Перевод К. Симонов

I

Высокотронные Абул и Мтин¹⁹
 В молчании стоят спиной к спине,
 И на плечах, над синевой вершин,
 Страну Парвана держат в вышине.

И люди говорят, что с давних пор
 Под небом, над бескрайней крутизной
 Жил в замке царь, седой хозяин гор,
 Владевший всей парванской стороной.

А у царя росла такая дочь,
 Что ни один охотник и стрелок,
 Кругом в горах охотясь день и ночь,
 Прекрасней лани выследить не мог.

Года и горы старого царя
 Украсивши младенчеством своим,
 Его под старость счастьем даря,
 Она росла боготворима им.

Большую радость годы им несли, –
 Желанный день подходит наконец,
 И, посланы во все концы земли,
 Летят по замкам за гонцом гонец.

«Где есть достойный девушки храбрец? –
 Пускай берет оружие и коня,
 Пусть явится в доспехах во дворец
 И дочь возьмет по праву у меня».

II

Бряцали шашки острые,
 Плясали жеребцы,

¹⁸ *Парвана* – высокогорное живописное озеро в Богдановском районе Грузинской ССР.

¹⁹ *Абул* и *Мтин* – горы в Джавахке (ныне Ахалкалакском и Богдановском районах Грузинской ССР).

Перед дворцом на площади
Съезжались удалыцы.

Все ждали с нетерпением,
С утра сюда примчась.
Когда же состязания
Придет желанный час.

Народ со всех окрестностей
Собрался поглядеть,
Кому удастся девушкой
По праву завладеть.

Труба поет... Придворные
Покинули дворец.
Явилась дочь прекрасная,
За ней седой отец.

Он – словно туча мрачная,
И как луна – она.
Они, обнявшись, выплыли,
Как туча и луна.

Все были в изумлении
От этой красоты.
Все удалыцы задумались,
Погружены в мечты.

«Взгляни на этих витязей,
Приехавших к тебе.
Чтоб здесь, на этой площади,
Добыть тебя в борьбе.

Кто будет хвастать ловкостью,
Кто силою крутой,
Кто трудной джигитовкою,
Кто птичьей быстротой.

Когда ж, тягаться бросивши,
Они окончат бой,
Когда из них храбрейшие
Пройдут перед тобой,

Узнав непобедимого,
Кинь яблоко ему,
Чтоб целый свет завидовать
Мог счастьем твоему».

И царь уже готовился
Подать условный знак...
Но дочь, поднявши яблоко,
Ему сказала так:

«Вдруг слабого хорошего
Сразит силач дурной,
Ведь ни одной минуты он
Любим не будет мной!»

Столпились вкруг соперники.
Вопросам нет конца:
«Скажи, за что ж ты, девушка,
Полюбишь удальца?

Сокровищ хочешь? Жемчуга
И золото найдем!
Звезду захочешь? На землю
Звезду мы низведем!»

– «Не нужно мне от милого
Ни крупных жемчугов,
Ни серебра, ни золота,
Ни звезд из облаков.

Огня неугасимого
Пускай достанет он,
С огнем вернувшись, будет он
Мне мужем наречен».

И на коней оседланных
Вскочили удальцы,
Чтоб разными дорогами
Скакать во все концы.

Огня неугасимого
Вдали им брезжит свет...
Но год за годом тянется,
А их все нет и нет...

III

«Отец, где наши витязи?
Ужели для меня
Нигде неугасимого
Им не сыскать огня?»

– «Не бойся, дочь любимая,
Они найдут огонь,
Но полон путь искателей
Сражений и погонь.

И черный мир им встретится,
И черная вода,
И с дэвами жестокими

Им предстоит вражда».

За годом год проносится,
Но не везут огонь.
«Отец, взгляни, не виден ли
С горы летящий конь?

Во сне всё чаще витязя
Я вижу своего.
Держа огонь, влетает он,
Проснись – и никого».

– «Жди дальше – он появится.
Охотясь за огнем,
Порой душа искателя
Сама сгорает в нем».

За годом год проносится,
Напрасно дева ждет,
С горы верхом на лошади
Никто не промелькнет.

«Отец, от горя вяну я,
Печален стал мне свет.
Ужель неугасимого
Огня на свете нет?»

Но скорбный царь ответить ей
Не в силах ничего,
И черные сомнения
На сердце у него.

IV

За годом год промчались,
Напрасно день и ночь
Окрестности безлюдные
Оглядывала дочь.

Отчаявшись – заплакала,
Так много слез пролив,
Что слезы слились в озеро,
Весь замок затопив.

Она исчезла в озере,
Проплакавши глаза;
С тех пор стоит там озеро,
Прозрачно, как слеза.

Под волнами прозрачными
В зеленой глубине

Видны хоромы царские,
Стоящие на дне.

* * *

Едва в ночи засветятся
Повсюду огоньки –
Безумьем одержимые.
Запляшут мотыльки.

Они сгорают в пламени,
И люди говорят
Про них, что это витязи
Парванские горят.

Принявши в долгих странствиях
Обличье мотылька,
Они, огонь завидевши,
Летят издалека.

И силятся приблизиться,
Чтоб овладеть огнем,
И вечно приближаются,
И вечно гибнут в нем.

1902

ВСЕ ИМЕЕТ СВОЙ КОНЕЦ
(Старое предание)
© Перевод Т. Спендиарова

То вправду было или нет.
Кто даст на это нам ответ?
Ведь в мире правда лишь одно,
Что правду знать нам не дано.
Всем это ведомо. Итак,
На свете жил один бедняк.
Был юный сын его умен,
И отдал сына в слуги он.

Шло время. Умный паренек
Сердца хозяйские привлек
Сноровкой, рвением деловым
И скоро в доме стал своим.
И вот отец издалека
Собрался навестить сынка.
«Ты славно, говорят, живешь,
И вкусно ешь, и сладко пьешь?»
– «Да, я не жалею, отец,
Но всё имеет свой конец».

Летело время, шли года.
 Парнишка не жалел труда.
 Вот сын крестьянский при дворе,
 Спит в досталь, ест на серебре.
 Соскучившись, отец опять
 Собрался сына повидать.
 «Ты, ходят слухи, стал высок,
 Завиден жребий твой, сынок!»
 – «Да, вхож я ныне во дворец,
 Но всё имеет свой конец».

Проходят дни, года идут,
 Заслуги юноши растут.
 Царь за труды и удалство
 Назиром утвердил его.
 И снова сына во дворец
 Приходит навестить отец.
 – «По слову твоему за честь
 Теперь считают встать и сесть?»
 – «Да, власть мне ниспослал творец.
 Но всё имеет свой конец».

И вновь прошли за годом год.
 Царь умирает в свой черед.
 Бездетный, оставляет он
 Пустым свой пышный царский трон.
 Вот во дворце собралась знать
 Царю преемника избрать. –
 Назир прославлен на весь мир,
 Так пусть же царствует назир.
 Отец, известьем поражен,
 Приходит к сыну на поклон.
 Старик бормочет: «Знать, мой сын,
 Всем миром правишь ты один?»
 – «Да, славный принял я венец.
 Но всё имеет свой конец».

Проходят годы. Новый царь
 Народом правит, как и встарь:
 Он всю страну зажал в кулак,
 Но до могилы только шаг.
 И, как бы ни был царь богат,
 Придется всё отдать назад.
 В злой час злым недугом сражен,
 Предстал перед всевышним он.
 Вот до отца доходит слух,
 Что испустил правитель дух.
 Спешит он, слышен скорбный звон
 И плач и стон со всех сторон.
 Так провожают в мир иной
 Царя всем войском, всей страной.

Шло время. Вновь прибред старик
И у надгробья сына сник,
Где надпись начертал резец:
«Знай, всё имеет свой конец».

Летят года, за годом год.
Годам, векам кто знает счет?
Давно того надгробья нет
И тех времен простыл и след,
И лишь поет ашуг-слепец:
«Брат, всё имеет свой конец.
Теперь владеем миром мы,
Лелеем славу, чтим умы,
Для нас раскрыла жизнь ларец,
Но всё имеет свой конец».

<1908>

КОНЕЦ ЗЛА

© Перевод В. Звягинцева

Стояла гора.
Как время, стара.
Росло деревцо,
И трое птенцов
Гнездились в дупле,
В уюте, в тепле.

Кукушка пела на суку:
«Ку-ку, кукушечки, ку-ку.
Растите вы!
Летите вы!»

Так пела мать, и дни неслись.
И вдруг приходит страшный Лис:
«Хозяин здесь – я,
Гора тут моя.
Мое и дупло,
Гнездо и тепло.
И кто мог посметь
Моим завладеть?

Кукушка, глупая, скорей
Скажи мне, сколько там детей?» –
«Их трое, сударь Лис, втроем
Птенцы сидят в гнезде своем». –
«Ах, значит, нет в тебе стыда!
Дай в слуги мне скорей сюда
Хоть одного! Напрасен спор.
Не то пойду возьму топор

И ствол срублю,
 И всех сгублю!»
 – «Ой, не руби,
 Ой, не губи!
 Птенца отдам.
 Но только нам
 Оставь наш дом:
 Дупло с гнездом», –
 просила мать-кукушка и сбросила вниз одного из птенцов. Лис
 – хватать, взял и ушел.

«Ку-ку! Ай-ай!
 Дитя, прощай!
 Где – на горе
 Или в норе,
 Там, где кусты,
 Погибло ты?
 Дитя, прощай!
 Ку-ку... Ай-ай!» –
 плакала мать-кукушка, но вот Лис вернулся.

«Хозяин здесь – я,
 Гора тут моя.
 А в дереве том
 Дупло есть с гнездом.
 И кто мог посметь
 Моим завладеть?!

Кукушка, глупая, скорей
 Скажи мне, сколько там детей?»
 – «Их двое, сударь Лис, вдвоем
 Птенцы сидят в гнезде своем».
 – «Ах ты, разбойница, ах, ах!
 И так от них рябит в глазах;
 Гляди, всю местность, все кусты
 Кукушками заселишь ты!
 Брось одного! Напрасен спор.
 Не то пойду возьму топор,
 И ствол срублю,
 И всех сгублю». –
 «Ой, не руби,
 Ой, не губи!
 Бери птенца,
 Но до конца
 Не разоряй,
 Не убивай,
 И жить нам дай!» –
 просила кукушка-мать и сбросила вниз второго птенца. Лис –
 хватать и ушел.

«Ай-ай, ку-ку!
 Сиди – тоскуй.

Глупа была –
 Сюда пришла,
 В недобрый час
 Вскормила вас.
 И Лис пришел,
 Птенцов увел.
 Куда, ку-ку!
 Девать тоску?» –
 плакала мать-кукушка. В это время – кра-кра-кра! – пролетала
 по тем местам ворона. Услышала плач кукушки.

«Ой, как ты плачешь! Кра-кра-кра!
 О чем ты плачешь так, сестра?»
 – «Кума, послушай, подивись.
 Пришел жестокий сударь Лис,
 Наговорил мне страшных слов,
 Унес и съел моих птенцов».
 – «Ну, горе мне, как ты глупа,
 Кукушка, или ты слепа!
 Ведь этот Лис бесстыдно врет,
 Коль гору он своей зовет.
 И кем ему здесь всё дано?
 Гора для всех стоит равно.
 И кто позволит, чтобы он
 Установил здесь свой закон?
 Всем угрожает топором
 И разгоняет всех кругом.
 Вчера – птенца, сегодня двух
 Он съел. А ты лишь плачешь, друг...
 Откуда взять ему топор?
 Ну вот, не бойся с этих пор
 И, если он придет опять,
 Скорей спешి его прогнать», –
 так сказала ворона и улетела. Вот опять пришел Лис.

«Хозяин здесь – я,
 Гора здесь моя...»
 Едва успел промолвить он, – кукушка высунула голову из
 гнезда:

«Не верю я тебе теперь,
 Проклятый, ненасытный зверь!
 И кем тебе гора дана?
 Для всех равно стоит она.
 Зачем так врал ты мне, злодей?
 Я лжи поверила твоей,
 Я отдала тебе птенцов.
 С меня довольно лживых слов!
 И сколько ты теперь ни злишь,
 Меня не испугаешь, Лис.
 И про топор ты мне солгал...»

– «А кто сказал?»

– «Ворона... Кто ж?»

– «Отмщу за ложь!»

Сердитый Лис убрался восвояси. В поле он прикинулся мертвым, а ворона подумала, что Лис подох, прилетела, чтобы выклевывать ему глаза. Лис – хватать и поймал ее.

– «Кра-кра! Ой-ой!

Ой, сударь мой..»

– «Так, ябедница злая, так!..

Ты наплела кукушке врак,

Что нет у Лиса топора.

Ну, кончилась твоя пора!» –

– «Ой, сударь, ой,

Перед тобой

Грешна, грешна! Винюсь во всем.

Терзай меня, глотай живьем.

Карай как хочешь, но сперва

Услышь последние слова:

На той вон горке, против нас,

Я клад зарыла про запас;

Хоть все насесты обойдешь,

Нигде такого не найдешь.

Обидно зря ему пропасть, –

Ведь ты бы мог покушать всласть.

Пойдем, достанем этот клад

Из-под земли. Сам будешь рад.

А если я тебе совру, –

Что ж, я в зубах твоих умру!»

«Пойдем, – сказал Лис. – Будет клад – хорошо, не будет – я тебя съем».

Пошли.

Пролетая, ворона заметила лежащую в кустах собаку крестьянина. Вела-вела она Лиса и прямехонько привела к этим кустам.

«Вот, – сказала, – в этих кустах мой клад».

Лис с жадностью бросился в кусты. Собака вскочила, схватила Лиса за горло и подмяла. Лис, задыхаясь, захрипел:

«Ах, с давних пор

Я был хитер!

И вдруг, дурак,

Попал впросак.

Будь проклята Ворона та!..»

– «Да, сударь Лис, ты злой хитрец,

Но должен быть и злу конец,

Таков закон. Судьба мудра.

Кра-кра... Кра-кра!..» –

ответила ворона и улетела.

<1908>

КАПЛЯ МЕДА
© Перевод С. Маршак

В ущелье гор, среди села
Лавчонка тесная была.
Туда забрел в базарный день
Пастух одной из деревень.
Он на плече дубину нес.
За ним бежал мохнатый пес.

– «Есть мед, купец?»
– «Есть, молодец!»
Давай горшок или корец.

Ай, что за мед, душистый мед!
Похвалит всякий, кто возьмет».

Купец по капле мед цедил,
Но слов медовых не щадил.
Его и медом не корми,
А дай поговорить с людьми!
И за беседой невзначай
Он пролил каплю через край.

Сверкнула капля, как топаз.
О ней и будет наш рассказ.
Почуяв мед издалека,
Слетела муха с потолка.
Жужжит и жадно тянет мед,
А к ней ползет хозяйский кот.
Припал к земле и в тот же миг
На муху – прыг!

Но пес, пришедший с пастухом,
Такую прыть почел грехом.
Вскочил он с пеною у рта,
И ну терзать, трясти кота,
Трепать, катать,
Валять, мотать!
Чуть отпустил –
И снова хватить!
Потом, как тряпку, отшвырнул.

Кричит хозяин: «Караул!
Мой славный кот! Моя краса!
Держите бешеного пса!
Ах, он такой! Ах, он сякой!..»

И всё, что было под рукой –

Горшок, жаровню с кочергой,
 Полено, ось от колеса, —
 Обрушил на голову пса.
 Пес завертелся, завизжал
 И на пол лег, где кот лежал.

«Мой бедный лев! — вскричал пастух. —
 С тобою свет очей потух!
 Кто будет мне стеречь овец?
 Тебя прикончил злой купец.
 Пусть он провалится со всей
 Дрянной лавчонкою своей!
 Ему припомнится мой пес...»

Тут над купцом силач занес
 Свою дубину — и купец
 Нашел безвременный конец.

* * *

«Грабеж! Разбой средь бела дня!» —
 Кричит, орет его родня.
 Со всех дворов, из всех ворот,
 Из всех дверей валит народ.

Бегут на шум
 Сосед и кум,
 И теткин сват,
 И тещин брат.

Свекровь, и деверь, и сноха
 Колотят, валят пастуха.

«Ах ты, медведь косматый с гор!
 Головорез, разбойник, вор!

Не покупать
 Пришел, злодей,
 А убивать
 Честных людей!»
 С врагами в бой вступил пастух,
 Сбил одного, отбросил двух
 И пал на землю вниз лицом
 Между собакой и купцом...

И вот до горного села,
 Как дым пожара, весть дошла.
 Всех взбудоражил этот слух:
 «Убит в долине наш пастух!
 Нельзя нам смерть его простить.
 Убийцам надо отомстить!...»

Ребята летнею порой
 Вспугнут в гнезде осиный рой
 И убегут. А тучи ос
 Прохожих жалят в глаз и в нос.

Так муха бурю подняла...
 Бегут со всех концов села
 И старики, и молодежь,
 Хватают вилы, серп и нож,
 Лопату, вертел и топор
 И вниз спешат с высоких гор.

Ведут коней на поводу
 И рассуждают на ходу:
 «Худой народ внизу живет.
 Таким он исстари слывет.
 За каплей меда вниз пойдешь –
 Да и погибнешь ни за грош.
 Черна их совесть от греха.
 Идем же мстить за пастуха!

Мы их сожжем!
 Мы их убьем!
 Мы их – ножом!
 Мы их – дубьем!»

Так верхнее село пошло
 Войной на нижнее село,
 На брата – брат.
 Галдят, кричат.
 Кто бьет кого – не разберешь.
 И вот уж в ход пустили нож.
 Сверкнул отточенный кинжал.
 Огонь по крышам побежал.
 При виде крови и огня
 Еще сильнее пошла резня.
 Младенцы плачут, и ревет
 В хлевах, в клетях забытый скот...

Огонь село спалил дотла.
 А были эти два села,
 Где жили сотни две крестьян,
 В пределах двух различных стран.
 Рубеж меж ними проходил,
 Закон различный их судил,
 И подати несли они
 Царям различным в эти дни.

Вот одному царю гонец
 Донес, явившись во дворец,
 Что жители чужой земли

В его стране село сожгли.
Властитель скипетром потряс
И начертал такой указ:

«Мы, божьей милостью и проч.,
Сим возвещаем: нынче в ночь
Король соседний, словно вор,
Презрев священный договор,
Границы наши перешел,
Вступив в одно из наших сел.
У поселян он отнял кров.
Стенанья жен и слезы вдов
Текут к престолу моему.

А посему,
А потому

Приказ мы отдали войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну.
Согнем врага в бараний рог!
За нами – пушки. С нами – бог!»

Под сим – число календаря
И подпись грозного царя.

Но и во вражеской стране
На каждой городской стене,
На каждом тыне и плетне,
На всем, что только видит глаз,
Монарший вывешен указ:

«Мы, сын небес и царь царей,
Сим объявляем, что злодей
Соседний царь идет войной,
Чтоб нашей завладеть страной.
В наш край он вторгся, точно вор,
Презрев священный договор
И для сего найдя предлог.
Но с нами меч и с нами бог!»
Под сим – число календаря
И подпись одного царя.

И запылал огонь войны,
И две страны разорены,
И поле некому косить,
И мертвых некому носить.
И только смерть, звеня косой,
Бредет пустынной полосой...

Склоняясь у могильных плит,

Живой живому говорит:
«Откуда и за что, сосед,
На нас свалилось столько бед?»

1909

ГОЛУБИНЫЙ СКИТ²⁰ © Перевод Вяч. Иванов

Ленг-Тимур²¹ пришел – изувер, палач;
С ним – огонь и меч, с ним – туга²² и плач;
Не узлом сдавил нас удав-дракон –
Наше племя враг полонил в полон.
На побережье, где дышит мглой Севан,
У озерных струй он разбил свой стан –
Там, где, к богу сил воскрылась душой,
Сторожит наш край монастырь святой.

В те поры в скиту – опекун армян –
Преподобный жил схимонах Ован,
День и ночь молясь за родной народ,
За крещеный люд, за неверный род.
Как прознал Ован из затворных стен
Злых татар набег, христианский плен,
Осерчал зело, затужил вельми,
Что владеет так сатана людьми.
Не скончал молитв седовласый мних²³,
Хвать за жезл – и вон из ворот святых.
Бормоча идет, куда путь ведет,
В забытии – на гладь бирюзовых вод:
Заплескал Севан, но седой росой

Доплеснуть не смел до ступни босой.
Как увидел то басурманский князь.
Хилым былием задрожал, склонясь,
Завопил, завыл с высоты крутой:
«Не гневись, вернись, человек святой!
С миром в дом вернись!» Так взмолился хан.

Повернул стопы в монастырь Ован.
Чуть на брег сухой оперся жезлом,

²⁰ Легенда отражает события XIV в.

²¹ *Ленгтимур* – Тимурленг, Тамерлан (1336–1405), монгольский хан, создатель огромной империи в Средней Азии. Отличался жестокостью.

²² *Туга* – страдание, печаль, горе.

²³ *Мних* – монах.

Бьет угоднику супостат челом:
 «Ты бери с меня, что велишь, старик:
 Золоту казну аль на власть ярлык!» –
 «Не купить меня ярлыком, казной:
 Отпусти, отдай мне народ родной!
 Пусть, куда хотят, без помех идут,
 Песню вольную жития поют!
 Аль в поднебесье уж простора нет
 Птицам божиим? Али тесен свет?»
 Лиходей в ответ: «Столько душ отдам,
 Сколько душ войдет в монастырский храм.
 Ну, ступай, старик, да не помни зла!»
 И велел тотчас с одного крыла
 Заходить толпе полоненной в скит:
 Стольким вольным быть, скольких храм вместит.

Стража грозная от застав ушла;
 Потянулся люд, что река текла,
 За святым вослед чрез одно крыло;
 За сто тысяч их в малый скит вошло, –
 Не наполнился и один притвор.
 Удивляется басурманский вор
 Диву дивному, сторожам кричит,
 Новых пленников отпускать велит.
 Тучей люд валит, в церковь вваливает, –
 За тьму темь число переваливает:
 Всё не полон скит, всё гостей зовет;
 А людской поток плывет да плывет.
 Уж и в третий раз Ленк-Тимур кричит,
 Остальной полон распускать велит.
 Идут задние, и – за рядом ряд –
 Все прошли во храм. Одичалый взгляд
 Водит лютый враг до окружных гор:
 Пленных нет как нет. И всё пуст собор.
 Ужаснулся хан: «Это явь иль бред?
 Обыскать весь скит! Разыскать их след!»
 Входят бирючи во святой притон:
 Там Ован один; на коленях он,
 Очи ввысь вперил, словно в землю врос;
 Борода влажна от обильных слез.

Сколько в малый скит ни вошло армян,
 Обернул их всех в голубей Ован –
 Умолил на то благодать с небес, –
 И в родимый дол, и в родимый лес
 Выпускал он птиц на живой простор:
 Все в приют ушли неприступных гор.
 Упорхнули все – и сполох утих,
 И стоит, один, на молитве мних.

СЕРДЦЕ ДЕВЫ
(Восточное предание)
 © Перевод Вяч. Иванов

Некогда в царстве восточном цвела
 Юная дева, резва, весела,
 Краше всех сверстниц красою лица,
 Радость и гордость вельможи-отца.
 Только, зная, сердцу не писан закон:
 В дочь властелина безродный влюблен;
 Дева любовью ответной горит:
 «Он мой избранник, – отцу говорит, –
 Он – не другой –
 Суженый мой».

Крикнул вельможа: «Тому не бывать!
 Легче мне в землю тебя закопать!
 Нищего зятем назвать не хочу;
 В крепкую башню тебя заточу».

Камень, скала он... Что страсти скала?
 Юноше дева тем боле мила.
 Нежностью пылкой невеста горит:
 «Он мой желанный, – отцу говорит, –
 Он – не другой –
 Суженый мой».

Деспот угрюмей, чем хмурая ночь;
 В тесную башню сажает он дочь.
 «С милым в разлуке, вдали от людей,
 Блажь с нее схлынет. Остынет он к ней...»

Нет для любви ни стен, ни замка;
 Лишь распаляет желание тоска.
 Страстию дева в затворе горит:
 «Он мой любовник, – отцу говорит, –
 Он – не другой –
 Суженый мой».

Дух самовластный осетила тьма;
 Сводит гордыня владыку с ума:
 Башню, где клад свой ревниво берег.
 Мстящей рукою безумец поджег...
 Что для любви, что жарче тюрьма?
 Ярым пожаром пылает сама!
 Узница в душной темнице горит,
 Клятвы обета, сгорая, творит:
 «Он – не другой –
 Суженый мой!...»

Грозная башня сгорела дотла,
 В пепел истлела, что прежде цвела.
 Только – о, чуда безвестного дар! –
 Сердца живого не тронул пожар...
 Стелется горький с пожарища дым;
 Юноша плачет над пеплом седым.
 Плакал он долго; застыла печаль;

В путь поманила далекая даль...
 Бродит он, сир;
 Пуст ему мир.
 Нежная тайна! Под холодной золой
 Что содрогнется – не сердце ль – порой?
 Жаркое сердце в огне спасено;
 Только под пеплом сокрыто оно.
 Сердца живого из дремлющих сил,
 Словно из корня, что ключ оросил
 Слез изобильных, – в таинственный срок
 Вырос прекрасный и легкий цветок.
 Огненный мак;
 Глубь его – мрак.
 По чужедальным блуждает краям
 Юноша, цели не ведая сам,
 Вкруг озираясь – любимая где? –
 Милой не видит нигде и нигде!
 В грезах о нежной склоняет главу.
 Но безнадежность одна наяву.
 Верной любви и смерть не конец;
 Чувства не гасит небесный венец,
 В оный предел
 Вздых долетел...
 Стон долетел к ней и тронул ее:
 Тень покидает жилище свое,
 К милому сходит, тоскуя, во сне,
 Благоуханной подобна весне.
 Молвит: «Внемли, мой печальник, завет!
 Вырос над пеплом моим алоцвет.
 Девы сожженной он сердце таит.
 Жизнью моею тебя упоит.
 В соке огня
 Выпей меня!
 Неги медвяной, разымчивых чар
 Хмель чудотворный, целительный дар
 Выжми и выпей пчелой из цветка:
 Черная душу покинет тоска.
 Так ты спасешься, избудешь печаль.
 Смоет земное волшебная даль,
 Не увядают ее красоты;
 Мир и блаженство изведает ты –
 В тонкой дали
 Лучшей земли!»
 Нежная тайна, ты сердцу мила!
 Стала скитальца душа весела.
 Соком заветным навек опьянен,
 Волен, беспечен и мужествен он.
 В смене вседневной воскреснет тоска, –
 Радость за нею, как рай, глубока:
 Прежнее бремя его не долит,
 Прежнее пламя его не палит –
 В тонкой дали

Лучшей земли.

1913

ШАХ И РАЗНОСЧИК

© Перевод С. Шервинский

«Эй, кто не брал?
Бисер, коралл!
Кольцо, браслет,
Любой предмет!
Курят неси,
Меняй, проси!
Всё для девиц,
Для молодежи!
За грош товар.
Хорош товар!»

Разносчик кричит, подзывает народ, —
Таких постоянно встречаешь у нас.
Но этот?.. — змеей по базару ползет
Торговцем одетый властитель Аббас.

«Иголки, нитки! Эй, кому?
Сюда! Недорого возьму!»
— «Браток разносчик! а, браток!
Иголки есть? Продай пучок».
И подошел, ускорив шаг,
К армянке-выселенке шах:
«Острее жал. Каков закал!
Пучок — за хлеб».
— «Ой, обобрал!..»
— «Не спорь, сестрица, о грошах,
Коли тебе твой дорог шах!»
— «Да будь он проклят во все дни!
Господь от шаха нас храни!
Живи, разносчик, много лет,
Но шаха поминать не след...»
— «И зла же у людей в сердцах!
Что вам дурного сделал шах?
Отвел от турка меч лихой,
Вас вывел из Джульфы сухой,
В богатый край переселил,
Заботой всякой окружил...»
— «Закрой, чарчи, свой грешный рот,
О шахе толки прекрати!
Нагрянул он, угнал народ, —
Хоть ногу бы сломал в пути!
По нашим нивам и садам
Прошел, как паводок весной.
Не внял Христу, не внял и нам, —

Всех снял, всех вывел в край чужой.
 Замкнули мы дома, дворы,
 Ключи забросили в Араз.
 Вот обернулись с полгоры
 На край родной в последний раз.
 Молились: „Богоматерь-свет.
 Ты наши кровы соблюди
 И, где б наш ни терялся след,
 Назад из плена приведи!“ –
 Так мы молились, а потом,
 Вновь оглянувшись, побрели
 И под мечом да под кнутом
 Толпой к Аrazу подошли.
 Что море, пенится Араз,
 Волну выплескивает вон.
 „В брод!“ – раздается вдруг приказ.
 Самим Аббасом отдан он.
 Там, сзади, меч, тут – бездна вод.
 Рыдания, вопли... Страшный час...
 Стар, млад – все мечутся... И вот,
 Обнявшись, кинулись в Араз.
 Такую страсть переживать
 Не пожелаешь и врагам...
 Да не доносятся, видать,
 Проклятья наши к небесам...»
 И вот изгнанниками вмиг
 Аббас смущенный окружен.
 Мятежный нарастает крик:
 «Будь проклят шах и шахов трон!»
 Аббас косится, страшен взгляд,
 Угроза прячется в глазах,
 Колени у него дрожат,
 И мрачно спрашивает шах:
 «Вы так ли речь вели о нем?
 У всех, бывало, на устах:
 Мы в счастье, мол, теперь живем,
 Благословен Иран и шах!»
 – «Мы лгали, братец! Ты ведь свой,
 Чего нам от тебя таить?
 А шах – он хищник, зверь лесной, –
 Как сердце перед ним раскрыть?
 Доколе шах и пленник есть,
 Хозяин и наемник есть,
 Не могут на земле процвести
 Ни счастье, ни любовь, ни честь».

Взвыл страшно разносчик, отбросил покров –
 Встал шах перед пленными, грозно-суров.
 Сверкнул ятаган у владыки в руках,
 И старец изгнанник простерся во прах.

Доколе шах и пленник есть,

Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвести
Ни счастье, ни любовь, ни честь.

1917

Примечания

Первый русский перевод из Туманяна появился в 1893 году на страницах журнала «Семья» (№ 55, стр. 2). Здесь была напечатана легенда «Ахтамар» в переводе К. Д. Бальмонта. Через год Ю. А. Веселовским и Минасом Берберяном было предпринято в Москве издание второго тома сборника «Армянские беллетристы» (первый том был издан в 1893 году), в котором были представлены в русских переводах также «молодые поэты», среди них и Туманян (легенда «Ахтамар», стихотворения «Когда в последний миг...» и «С горных высей стремится ручей...»). Второй том сборника «Армянские беллетристы» был сожжен органами царской цензуры.

В начале 900-х годов переводы из Туманяна время от времени появлялись на страницах русской периодической печати. Затем Туманян печатался в специальных сборниках: «Современные армянские поэты» (М., 1903), «Современная армянская литература» (М., 1906), «Армянская муза» (М., 1907), «Кавказский альманах» (Пг., 1914), «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького (Пг., 1916). В годы первой империалистической войны переводы из Туманяна печатались также в «Армянском вестнике» (М., 1916–1917).

Наиболее серьезная попытка ознакомить русское общество с поэзией Туманяна до революции была сделана в сборнике «Поэзия Армении» под редакцией В. Я. Брюсова (М., 1916).

Широкая пропаганда богатого художественного наследия армянского поэта развернулась лишь в советские годы. В течение двух десятилетий (1937–1957) были изданы восемь сборников избранных произведений Туманяна в русских переводах.

При составлении настоящего сборника учтен весь существующий фонд переводов из Туманяна. Многие из них неудовлетворительны, порою содержат серьезные смысловые искажения. Для данного издания отбирались лучшие из переводов. Однако в отдельных случаях, когда имеется лишь один перевод, составитель был вынужден отступить от этого принципа.

В сборнике три основных раздела: «Стихотворения», «Легенды и сказки», «Поэмы».

Расположение произведений внутри разделов хронологическое. Стихотворение «Пролог», которым О. Туманян открывал свои сборники, вынесено вперед.

Даты первой публикации, в отличие от точных дат, заключены в угловые скобки.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТУМАНЯНА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Избранное. Стихи и проза. Тбилиси, 1937. Избранные произведения. М., 1937.

Избранное. Под редакцией С. Шервинского. Ереван, 1941. (В конце книги имеется указатель «Ованес Туманян в русских переводах».) Избранное. Под редакцией С. Шервинского. М. – Л., 1945.

Избранные произведения. Составление и редакция С. Хитаровой. М., 1946.

Избранные сочинения. Под редакцией Мариэтты Шагинян. Ереван – Москва, 1950.

Избранные произведения. М., 1952.
Избранные сочинения. Ереван, 1956.